

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 1 (19)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal

2016 / 1 (19)

ISSN 2219-1976

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 1 (19)

ISSN 2219-1976

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал

№ 1 (19), 2016

Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия:

к.г.н. И.В. Комов (ВГУ)
доц., д-р ист. н. М. В. Кирчанов (отв. ред., ВГУ)
доц., к.и.н. А. В. Погорельский (ВГАСУ)
к.и.н. И. В. Форет (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky
(Voronezh State Academy for Architecture and Building)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет корпус № 8, ауд. 22

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию, проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

«ПОЛИТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ» – 10 ЛЕТ

«Влияние застарелых идеологических клише в современной российской латиноамериканистике является фактом, который не позволяет развиваться»: анкета-интервью М.В. Кирчанова	5
---	---

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Слинько, Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт	13
В.В.Климова, Торгово-экономические отношения Испании и Аргентины	16
М.В. Кирчанов, Роман «Плоть» Жулиу Рибейру как текстуализированная форма «трагедии общин»	26
А. Горюшина, Политическая динамика и процессы в Аргентине, Уругвае и Парагвае в XIX и XX веке	31

КУБА – США: ОБРЕЧЕННЫЕ НА СОСЕДСТВО (СЛОЖНАЯ ИСТОРИЯ АМЕРИКАНО-КУБИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Ноам Хомски, Кубинско-американские отношения	43
Георги Коларов, Некоторые проблемы кубино-американских отношений	53
К. Шульженко, Кубинские сообщества во Флориде	57
Мохаммад Пурмохаммад, США и «посреднические перевороты» в Латинской Америке	62

ДРУГАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ПЕРЕВОДЫ

Виктор Каспарук, Чили-1973: как страна избежала коммунистической катастрофы	68
Игор Лосев, Теология освобождения и Папа Франциск: насколько символично место встречи Папы Франциска и Патриарха Кирилла	75
Ганна Трегуб, Возвращение совершенной диктатуры: результаты выборов 2012 года в Мексике и ностальгия по авторитарному режиму	79

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. Кирчанов, Три неудобных вопроса современной российской латиноамериканистики: попытка беспристрастного ответа (чужие повороты, чужие классики и особый путь отечественной латиноамериканистики)	83
---	----

«ПОЛИТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ» – 10 ЛЕТ

«Влияние застарелых идеологических клише в современной российской латиноамериканистике является фактом, который не позволяет развиваться»: анкета-интервью М.В. Кирчанова

В 2016 году журнал «Политические изменения в Латинской Америке», являющейся единственным региональным научным периодическим изданием в России, посвященным латиноамериканским студиям, отмечает свой десятилетний юбилей. Редакционная Коллегия обращается к авторам прошлых лет, нашим потенциальным авторам, экспертам и аналитикам с просьбой ответить на несколько вопросов, посвященных как латиноамериканистике, так и некоторым проблемам социального, политического, исторического и экономического развития современной Латинской Америки.

Ключевые слова: латиноамериканистика, Латинская Америка, развитие, академическое сообщество

The only regional academic periodical in Russia devoted to the Latin American Studies "Latin American political transformations» journal in the 2016 will celebrate its tenth anniversary. The Editorial Board ask the authors of the past years, our potential authors, experts and analysts to answer some questions dealing with Latin American Studies and actual problems of social, political, historical and economic development of contemporary Latin America.

Keywords: Latin American Studies, Latin America, development, academic community

В 2016 году журнал «Политические изменения в Латинской Америке» (ISSN 2219-1976), являющейся единственным региональным научным периодическим изданием в России, посвященным латиноамериканским студиям, отмечает свой десятилетний юбилей.

В связи с этим Редакционная Коллегия обращается к авторам прошлых лет, нашим потенциальным авторам, экспертам и

аналитикам с просьбой ответить на несколько вопросов, посвященных как латиноамериканистике, так и некоторым проблемам социального, политического, исторического и экономического развития современной Латинской Америки.

Первоначально был сформирован перечень из десяти вопросов, большинство из которых (1 – 7) касались проблем развития латиноамериканистики как междисциплинарной формы гуманитарного знания. Вопросы 8 – 10 касаются проблем развития и перспектив социальных, экономических и политических трансформаций в странах Латинской Америки. Мы оставляем за нашими авторами и экспертами возможность выбора вопросов для ответа.

На вопросы в форме анкеты отвечает редактор «Политических изменений в Латинской Америке» д.и.н. М.В. Кирчанов.

Для начала я вынужден уточнить, что нижеследующие ответы отражают исключительно мою личную точку зрения и основаны на моем личном академическом опыте изучения латиноамериканской проблематики и коммуникации с представителями как российского, так и зарубежного научного академического латиноамериканистского сообщества. Поэтому, если кто-то сочтет нужным ответить в нормальной форме, в форме диалога, то страницы «Политических изменений в Латинской Америке» открыты для подобных критических отзывов. Если у московских «коллег» возникнут претензии, адресуйте их непосредственно автору нижеследующих ответов (его, отличии от них легко обнаружить в социальных сетях, найти адрес электронной почты также не составит особого труда) и не присылайте очередной донос на адрес университета. Если же коммуникация именно в форме доносительства представляется для некоторых наиболее приемлемой и удобной, то я не в праве их ограничивать. Со своей стороны могу только обещать то, что с доносом постараюсь ознакомиться и опубликую его как еще один источник, который отражает современное состояние нравов в среде латиноамериканистского сообщества.

1. С чем был связан Ваш приход в латиноамериканистику, латиноамериканские штудии? Что подвигло Вас к изучению региона Латинской Америки? Можете ли Вы назвать интеллектуальные стимулы или авторитеты, стимулировавшие (стимулирующие) Ваш интерес к региону и вовлеченность в латиноамериканистское сообщество?

Мой приход в латиноамериканистику стал следствием моего интереса к истории и проблемам развития национализма: еще будучи студентом исторического факультета ВГУ в конце 1990-х годов я прочитал советский сборник статей, посвященный национализму в Латинской Америке. Меня неприятно поразил идеологически выверенный подход, политический, точнее политизированный характер оценок, узость мнений и суждений, хотя ничего другого от советской латиноамериканистики, которая играла сервиллистские функции и давала идеологически выверенный продукт, ожидать не имело смысла.

Тем не менее, советские штудии по латиноамериканской проблематике представляют несомненный историографический интерес в контексте интеллектуальной истории или истории идей. В целом, основным фактором, который содействовал моему дрейфу в направлении латиноамериканистики, стал мой интерес к национализму, так как мне было очень интересно приложить подходы и методы изучения национализма в Европе к латиноамериканской проблематике.

Эта попытка, кстати, встретило непонятное для меня отторжение среди некоторых коллег из формально профильного ИЛА РАН, которые, вероятно, в силу просто низкой историографической культуры не понимали, зачем в статье, посвященной латиноамериканской проблематике используют теории, хорошо зарекомендовавшие себя при изучении Старого Света и цитируются англоязычные работы. Кстати, мое дальнейшее знакомство с современной латиноамериканской, преимущественно – бразильской, историографией убедило меня в

верности моих ранних предположений: латиноамериканские историки охотно и активно применяют западные методы, в том числе – и их националистических штудий, а классические тексты были переведены на испанский и португальский языке раньше, чем на русский.

В этом контексте, гуманитарные науки в Южной Америке развивались в контексте мировых трендов и тенденций в то время, как российская латиноамериканистика подвергалась прогрессирующей самоизоляции.

Что касается стимулов, то ответить на этот вопрос не так просто... Во время моего обучения в ВГУ мы не изучали историю стран Латинской Америки и провалы в своем образовании я компенсировал самостоятельно.

Единственным стимулом, наверное, следует назвать лекции Б.Ф. Мартынова во время его визита в ВГУ в 2006 году.

Кажется, что я никогда не испытывал особой зависимости от традиций советской и российской латиноамериканистики. Вероятно, поэтому в моих текстах можно найти столь много критических высказываний в ее адрес. Влияние западной, преимущественно англоязычной латиноамериканистики или идей бразильских интеллектуалов, отрицать не имеет смысла. Оно заметно и очевидно в моих работах, сфокусированных на бразильской проблематике.

Что касается моей «вовлеченности в латиноамериканистское сообщество» современной России, то об этом говорить не приходится.

Для большинства российских латиноамериканистов мои идеи маргинальны в силу, с одной стороны, их склонности воспроизводить идеологически выверенный несоветский дискурс и, с другой, моего отторжения подобной позиции. Лично у меня нет особого желания быть частью сообщества, формальный лидер которого, директор ИЛА РАН, подписывает доносы, выдержанные в политической поэтике советского времени и основанные на вере в свою собственную избранность и на желании не допустить альтернативных мнений и оценок. Отправка доноса несколько лет назад стала попыткой возрождения цензуры и вмешательства во внутренние дела другого исследовательского сообщества.

Впрочем, отправка этого доноса в ВГУ не помешало мне его опубликовать. Научное сообщество в праве знать, что директора академических институтов, видимо, веря в свою особую миссию и монополию на истину, периодически подписываю доносы, ставшие следствием недовольства статьями, изданными в «Политических изменениях в Латинской Америке». Другие формы диалога и коммуникации им, видимо, неизвестны.

Хотя, возможны два вывода: первый, что нас читают, что наши тексты не оставляют равнодушными (донос – это тоже реакция) и, второй, что, может быть, и не читают, а просто «подмахнул» документ и всё... В России возможно и такое...

2. Латиноамериканистика, как форма гуманитарных исследований, в России развивается, начиная с конца 1960-х годов. Оцениваете ли Вы предшествующие годы как удачные и продуктивные для российской латиноамериканистики или полагаете, что латиноамериканские штудии пребывают в кризисе, находясь под влиянием застарелых левых идеологических клише и схем?

Советская латиноамериканистика сама по себе была очень интересной, но идеологически и политически выверенной, маркированной и зависимой. Латиноамериканистика в СССР, как и другие науки, выполняла идеологические функции. Советскую латиноамериканистику необходимо и нужно изучать, ее не стоит демонизировать и, наоборот, излишне идеализировать в позитивном плане. Надо просто признать, что она была и существовала одновременно со всеми ее достижениями и откровенно сервилистским характером.

Например, работы, посвященные социальной истории, истории рабочего класса в Бразилии, средним городским слоям, которые вышли в советский период, чрезвычайно интересны в контексте истории и археологии гуманитарного знания, а работы о чилийской революции, например, носили чисто конъюнктурный характер и не имеют ничего общего с наукой.

Удачные и продуктивные?

Скорее, просто более ранние или предшествующие.

Что касается постсоветского времени, то тут картина совершенно печальная. Кажется, что в отличие от других гуманитарных и общественных наук российская латиноамериканистика никаких перемен и изменений не заметила и предпочла просто проигнорировать целый ряд оригинальных подходов, которые были предложены в западной историографии, в том числе – историками из стран Латинской Америки.

Влияние застарелых левых идеологических клише и схем в современной российской латиноамериканистике, к сожалению, является фактом, который не позволяет развиваться.

3. Латиноамериканистика развивается в странах Северной Америки и Западной Европы. В последние годы в мире, в интеллектуальном сообществе доминирует англоязычная латиноамериканистика. Американские авторы демонстрируют традиционно высокие рейтинг цитирования. Как Вы полагаете, что в теоретическом, методологическом и организационном плане может и могла бы позаимствовать современная российская латиноамериканистика из западных Latin American Studies? Почему не происходит диалога между российскими и преимущественно англоязычными западными латиноамериканистами?

Начну отвечать на вторую часть вопроса: диалога нет, так как он в принципе невозможен. Советская латиноамериканистика генетически развивалась как часть советского антиамериканского проекта или политически и идеологически мотивированной критики США. Многие латиноамериканисты старшего поколения просто не владеют английским языком, что существенно влияет на методологию современных латиноамериканских исследований в России, которые продолжают оставаться идеологически выверенными. Поэтому, современная российская латиноамериканистика остается очень локальной, изолированной, провинциальной, сфокусированной на нескольких больших темах.

Диалог в принципе невозможен, если его потенциальные участники не заинтересованы в коммуникации и к тому же говорят на разных методологических и теоретических языках. Кроме этого, современная российская латиноамериканистика столь прочно увязла в своем советском прошлом, что утратила способность к коммуникации.

В западной латиноамериканистике наблюдается совершенно иная ситуация. Что в теоретическом, методологическом и организационном плане может и могла бы позаимствовать современная российская латиноамериканистика из западных Latin American Studies...

Вероятно, многое, но она неспособна это сделать. Вероятно, нам не повредит более близкое знакомство с американскими, бразильскими, аргентинскими и мексиканскими достижениями в изучении теории гуманитарного знания, эпистемологии, интеллектуальной истории, истории империй, и, конечно же, историй национализмов и последствий их развития, представленных нациями и государствами-нациями.

*Продолжение интервью М.В. Кирчанова
будет опубликовано в журнале
«Политические изменения в Латинской Америке»,
2016, № 2*

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Слинко

Авторитарная демократия: латиноамериканский опыт

Авторитарная демократия – концепция, учитывающая как тенденцию менеджеризации политической жизни, так и традиции постдемократии, которая с конца XX века прочно утвердилась в политическом дискурсе. При этом данная концепция вполне удачно вписывается в ряд постмарксистских теорий, выходя за региональные рамки концепции «столкновения цивилизаций»

Между тем, предлагаемая трактовка имеет иную, несколько отличную от традиционной, коннотацию, авторитарная демократия в современном понимании – это прежде всего соблюдение демократических процедур и электоральных циклов, но с повышенной ролью силовых структур и властной вертикали в рамках ряда ключевых вопросов общественной жизни. При этом в системе авторитарной демократии существует социальный предохранитель, который препятствует ее скатыванию к традиционной диктатуре – это гражданский альтернативный дискурс, встраиваемый в разные сферы общественной жизни. К примеру, в Эквадоре особое внимание уделяется альтернативной гражданской структуре власти, ограничивающей традиционные олигархические тенденции как в центре, так и на местах. В Бразилии особое значение придается широкомасштабным социальным программам. В Мексике – практике самозащиты гражданского населения перед лицом наступления мафии. Сама альтернативная политика подвела к реформам руководство Кубы, которое видит в общеконтинентальной альтернативной политике возможность преодоления экономической блокады.

Интересно, что подобная система, сложившаяся во многих странах Латинской Америки, крайне разнообразна и богата нюансами. К примеру, успех первого правительства ФНОФМ в Сальвадоре связан с согласием вести переговоры с криминальными авторитетами, контролирующими ситуацию в

тюрьмах и неблагополучных районах. В итоге за время правления левоцентристов количество убийств в стране сократилось почти вдвое. Спорное решение правительства Уругвая о легализации марихуаны для личного потребления вписывается в стратегию альтернативной политики.

В то же время реформаторов в Латинской Америке вдохновляет желание предотвратить государственное строительство капитализма «для своих», создание разветвленной системы привилегий.

Особое значение в современном мире имеет опыт европейского кризиса. Если раньше никто не сомневался в «открытом доступе», вертикальной мобильности и саморазвитии западноевропейских государств, то нынешний кризис заставил о многом задуматься. Движение «исключенных» в Испании, массовое движение «Пять звезд» в Италии, усиление правых популистов в Венгрии, Финляндии и Нидерландах, утверждение идеи «краха Еврозоны» и возможности «собственного пути» ряда стран за пределами ЕС – яркие примеры трансформации основного вектора развития Европы. Причины – в инерции развития государственных институтов, которые сформировались в конце 70-ых годов в дискурсе неолиберализма и при этом так и остались в системе экономического и политического восприятия мира 70-ых и 80-ых годов.

Но мир изменился. В частности, закономерность социально-экономического равновесия общества, логично обоснованная Парето, не была имплементирована в политические схемы века XXI-ого. В итоге пред лицом невиданного кризиса, развившегося в 2008-ом, экспертное сообщество осталось с минимальным методологическим багажом. Наиболее адекватную картину происходящего смогли дать в основном неомарксистские и постмарксистские интерпретаторы.

Формирование авторитарной демократии вместе с альтернативной гражданской политикой в Латинской Америке вызвано прежде всего скрытыми проявлениями неоимпериализма и неокOLONиализма, трагическим процессом формирования целой дуги несостоявшихся государств Северной Африки – от Мали и Буркина-Фасо до Чада, Нигера, Южного Судана и ЦАР. К сожалению, возможна дестабилизация крупнейшего государства

Африки, Нигерии в рамках межэтнических и межконфессиональных столкновений. Активное участие Франции в боевых действиях в Мали и ЦАР, интервенция Франции, Англии и США в Ливии вызывает озабоченность латиноамериканского сообщества, которое активно ищет поддержки в России, Иране и прежде всего в Китае.

Господствующая политическая идеология в международных отношениях США базируется на концепциях «превентивного удара», «первого удара» и так далее, что нашло воплощение в Ираке, Ливии, Афганистане и Сирии. На Латиноамериканском континенте правительство Венесуэлы высказывает опасение о возможной реализации этих неореалистических концепций в латиноамериканском политическом пространстве.

В то же время, системная отсталость, воинствующее религиозное средневековье, целенаправленно тянет назад быстроразвивающиеся страны мира. В некоторых странах Латинской Америки, глобальный кризис, наложившийся на экономическую отсталость ряда регионов, может спровоцировать «восстание исключенных», тотальную и перманентную, возможно, вялотекущую гражданскую войну. В этой ситуации правые и левые экстремисты, анархисты и неотрадиционалисты могут составить единый дискурс. Подобный же сценарий наблюдается в Таиланде, на Украине, просматривался в движении против Чемпионата мира в Бразилии, в перманентных протестах в Аргентине. В этой ситуации латиноамериканские страны пытаются консолидироваться, формируют собственные интеграционные сообщества без участия европейских государств и США, такие как АЛБА, СЕЛАК и УНАСУР.

Торгово-экономические отношения Испании и Аргентины

Автор анализирует зарождение экспортно-импортных отношений Аргентины и Испании. Характеризует их характер во время мирового кризиса и на современном этапе. Выявлен ряд факторов, способствовавших отчуждению Аргентины от бывшей метрополии. Также автор описывает современное экономическое состояние обеих стран.

Ключевые слова: торговля, внешнеэкономические отношения, экономика, Аргентина, Испания.

The author analyzes the emergence of export-import relations of Argentina and Spain. Moreover, the author describes the character of relations during the global crisis, and at the present time. A number of factors contributed to the alienation of Argentina and its mother country were brought to the light. The author also describes the current economic situation of both countries.

Keywords: trade, external economic relations, the economy, Argentina, Spain

Взаимоотношения Испании и Аргентинской Республики обусловлены исторически. Именно с открытия Америки Христофором Колумбом началось освоение до того времени диких земель, заселение континента европейцами, в первую очередь, испанцами и португальцами, построение экономических межконтинентальных отношений.

В начале XVII века именно Испания была основным как экспортером, так и импортером для Латинской Америки в общем, и для Аргентины в частности. При этом режим испанского колониального господства сильно тормозил развитие капиталистических отношений на Ла-Плате. Торговая монополия, высокие таможенные сборы, обременительные налоги - все это препятствовало экономическому развитию. В начале XIX века система испанского колониального господства в Америке вступала в полосу кризиса. Повсюду поднималось возмущение против экономической и политической зависимости от метрополии. В этот период авторитет Испании был сильно ослаблен как в Латинской Америке, так и в Европе и ее влияние в Ла-Плате было сведено до минимума.

В 1982 году, когда произошел вооруженный конфликт между Аргентиной и Великобританией из-за Мальдивских (Фолклендских)

островов, имея тесные исторические связи с Аргентиной, Испания оказалась не в состоянии оказать какую-либо помощь. Это в значительной мере ухудшило отношения между этими двумя испаноговорящими странами. А присоединение Испании к эмбарго оружия и военной техники, введенного Великобританией и США по отношению к Аргентине, еще более способствовало охлаждению аргентино-испанской дружбы. Не имея серьезного финансового влияния, испанское правительство утратило в глазах Аргентины образ «Родины-Матери», создаваемый Испанией на протяжении всего XX века [1]. После Фолклендской войны и падения военной хунты испанская дипломатия уже не имела должного влияния на правительство Аргентины.

Сейчас Аргентина — одна из наиболее экономически развитых стран Латинской Америки (особенно если учитывать ее высокие среднестатистические показатели на душу населения). Экономика Аргентины развивается благодаря большому запасу полезных ископаемых и обладает крупным сектором, ориентированным на экспорт сельскохозяйственной продукции. Кроме того, ей присуща диверсифицированная индустриальная база.

В последние годы активно развивается горнорудная промышленность, а также машиностроение и металлообработка (производство транспортных средств, сельхозмашин, металлообрабатывающих станков, некоторых видов энергетического оборудования). Страна является одним из ведущих производителей биотоплива. Ускоренное развитие обрабатывающей промышленности (металлургии, машиностроения, химии) существенно приблизило Аргентину к высокоразвитым индустриальным странам.

Кроме того, Аргентина полностью обеспечивает себя продовольствием, излишки которого идут на экспорт. Он дает примерно 80% стоимости аргентинского экспорта. Ведущими отраслями сельского хозяйства являются производство зерновых (пшеница, кукуруза), масличных культур (соя, подсолнечник), свежих фруктов (яблоки, груши, цитрусовые), вина, мёда, а также мясное и молочное животноводство, птицеводство.

На протяжении истории страны экономические показатели Аргентины были неравномерны. В начале XX века она являлась

одной из перспективных стран, однако на протяжении многих лет ее экономика испытывала ряд кризисов, повлиявших негативно. На данный момент Аргентинская Республика считается одной из главных развивающихся экономик не только в Латинской Америки, но и в мире в целом. А нынешний объем ВВП и активный экономический рост позволяют Аргентине быть членом «Большой двадцатки».

Что касается состава экспорта Аргентины, то он подразделяется на: производство сельскохозяйственного происхождения — 33 %; производство промышленного происхождения — 32 %; сырье — 19 %; топливо и энергия — 16 %.

Состав импорта разделяется по значимости на товары промежуточного назначения, средства производства, предметы и аксессуары средств производства, товары потребления, пассажирские средства передвижения, топливо и смазки. Этот импорт осуществляется из Бразилии, которая является главным торговым партнером, а так же из США, Германии, Италии, Японии и Испании. В процентном соотношении импорт распределяется следующим образом: товары промежуточного назначения — 35 %, средства производства — 25 %, предметы и аксессуары средств производства — 17 %, товары потребления — 12 %, пассажирские средства передвижения — 6 %, топлива и смазки — 5 %.

В кризисный 2008 год аргентинский экспорт составил 70,589 млн. долларов, а импорт — 57,413 млн. долларов. Отметим, что МЕРКОСУР продолжает оставаться главным торговым партнером, с которым происходит 23 % отгрузок и 16 % доставок. В 2013 году общий внешнеторговый оборот Аргентины увеличился на 5,1% и составил 157,0 млрд. долл. США. При этом аргентинский экспорт увеличился на 2,6% по сравнению с 2012 годом до 83,0 млрд. долл. США, а импорт – на 8% до 74 млрд. долл. США. Положительное аргентинское сальдо составило 9,0 млрд. долл. США.

Таблица 1. Внешняя торговля Аргентины в период 2008-2013 гг. (в млрд. долл. США).

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Товарооборот	128,0	94,6	124,9	158,2	149,7	157,0
Экспорт	70,6	55,8	68,5	84,3	81,2	83,0
Импорт	57,4	38,8	56,4	73,9	68,5	74,0
Сальдо	13,2	17,0	12,1	10,4	12,7	9,0

Стоит отметить, что Испания не является ни ключевым экспортером, ни ключевым импортером для Аргентины, и Аргентина, в свою очередь, не входит в десятку важнейших партнеров Испании не по экспорту, не по импорту.

В период с 2003 по 2008 год для экономик большинства латиноамериканских государств были характерны высокие показатели роста. В этот период ВВП стран вырос на 1/3, отставая по темпам роста от Китая, Индии и ряда других азиатских стран, при этом Латинская Америка опережала все индустриально развитые государства (таблица 2) и постепенно сокращала отставание от мирового экономического авангарда.

К тому же, в регионе вырос жизненный уровень широких общественных слоев, а число латиноамериканцев, живущих за чертой бедности, в 2002–2008 гг. уменьшилось почти на 20%, за ним последовало сокращение безработицы: с 11% в 2003 г. до 7,5% в 2008 году.

Таблица 2. Изменение объема ВВП в %, 2003-2008 год[2]

Страны	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Мир в целом	3,6	4,9	4,5	5,1	5,2	3,0
Развитые страны	1,9	3,2	2,6	3,0	2,7	0,6
США	2,5	3,6	3,1	2,7	2,1	0,4
Зона евро	0,8	2,2	1,7	2,9	2,7	0,7
Япония	1,4	2,7	1,9	2,0	2,3	-0,7
Развивающиеся страны	6,2	7,5	7,1	7,9	8,3	6,0
Латинская Америка	2,2	6,0	4,7	5,7	5,7	4,2
Аргентина	8,8	9,0	9,2	8,5	8,7	6,8
Бразилия	1,1	5,7	3,2	4,0	5,7	5,1
Венесуэла	-7,8	18,3	10,3	10,3	8,4	4,8
Колумбия	4,6	4,7	5,7	6,9	7,5	2,5
Перу	4,0	5,0	6,8	7,7	8,9	9,8
Чили	4,0	6,0	5,6	4,6	4,7	3,2

В середине 2008 года мировую финансовую систему охватил кризис ликвидности, вследствие глобализации больно ударивший по десяткам стран, в том числе и в Латинской Америке. В Латинской Америке мировой кризис проявился в заметном снижении темпов экономического роста: с 5,7% в 2007 г. до 4,2 в 2008 г. и -2,5 % в 2009 г. (таблица 3).

В целом аргентинская экономика выдержала удары кризиса (таблица 4). ВВП и промышленное производство даже немного выросли, что отличало Аргентину от большинства развитых стран, продемонстрировавших падение. Особенно заметным оживление деловой активности стало во второй половине 2009 года.

Таблица 3. Изменение объема ВВП в %, 2007-2010 год[3]

Страны	2007	2008	2009	2010
Мир в целом	5,2	3,0	-1,1	3,1
Развитые страны	2,7	0,6	-3,4	1,3
США	2,1	0,4	-2,7	1,5
Зона евро	2,7	0,7	-4,2	0,3
Япония	2,3	-0,7	-5,4	0,2
Развивающиеся страны	8,3	6,0	1,7	5,1
Латинская Америка	5,7	4,2	-2,5	2,9
Аргентина	8,7	6,8	-2,5	1,5
Бразилия	5,7	5,1	-0,7	3,5
Венесуэла	8,4	4,8	-2,0	-0,4
Колумбия	7,5	2,5	-0,3	2,5
Перу	4,0	5,0	6,8	7,7
Чили	4,0	6,0	5,6	4,6

Таблица 4. Воздействие кризиса 2008-2009 гг. на аргентинскую экономику [4]

Показатели	Изменение, %			
	2007	2008	2009	2010
ВВП	+8,7	+6,8	+0,9	+5,0
Сбор зерновых и масличных культур	+29,3	-1,1	-35,4	+40,3
Промышленное производство	+7,5	+4,9	+0,4	+3,5
Выпуск автомобилей	+26,2	+9,5	-11,3	+20,0
Производство стали	-2,6	+2,9	-24,2	+10,0
Производство алюминия	+4,9	+37,5	+4,8	+6,0
Производство бумаги	+2,9	+2,3	+5,9	+7,0
Полиграфическая продукция	+7,0	+5,5	+4,1	+6,5
Химическая промышленность	-3,1	+2,0	+10,2	+8,0
Пищевая промышленность	+5,9	+1,5	+7,9	+5,5
Текстильная промышленность	+1,7	-3,9	-3,9	+4,0
Нефтяная промышленность	+6,4	-5,3	-6,7	-4,0
Строительство	+5,3	+4,5	+2,7	+5,5
Экспорт	+20,1	+25,2	-20,0	+16,6
Импорт	+31,1	+28,2	-32,0	+27,7
Средняя заработная плата	+22,7	+21,5	+17,0	+20,0

В 2014 году в Латинской Америке и странах Карибского бассейна темпы роста снизились (четвертый год подряд), до 1,3 процента, рост в регионе составил 0,9 процента в 2014 году (на 1,3 процентного пункта ниже, чем прогнозировалось, и существенно ниже среднего роста в 2004–2013 годах, составлявшего 4,2 процента), а затем, как прогнозируется, повысится до 2% в 2016 году. Пересмотр прогнозов в сторону снижения в основном затрагивает экспортеров биржевых товаров в Южной Америке. Экономические перспективы Аргентины в 2015 году улучшились ввиду снизившегося давления на платежный баланс.

Что касается сотрудничества Испании и Аргентины, то страны поддерживают крепкие двусторонние отношения, которые особенно ярко прослеживаются в миграционных потоках, испанских инвестиционных проектах, туризме и торговле. Испанские коммерческие предложения высоко ценятся аргентинцами, но часто сталкиваются с проблемой протекционистских барьеров в Аргентине. Отмечается, что в период с января по октябрь 2013 года, испанский экспорт в Аргентине составил 1,336 1152 миллионов евро и импорт 1,444 1227 миллионов евро. Испания занимала шестое место среди партнеров Аргентины на глобальном уровне (вторая в ЕС после Германии). Среди стран, получателей испанского экспорта, Аргентина занимала 31-е место, среди импортеров лишь 36-е. В период с января по июнь 2014 года, испанский экспорт в Аргентине составил 615 миллионов евро, а импорт 400 миллионов евро. Испания сместилась на восьмое место списке партнеров Аргентины на глобальном рынке (вторая в ЕС, после Нидерланд). Среди стран, получателей испанского экспорта, Аргентина поднялась на 29-е место, среди импортеров спустилась на 45-е [5].

Для Испании наибольший интерес представляют в основном секторы, которые обладают наибольшим потенциалом роста и которые традиционно были наиболее развитыми в Аргентине: сельское хозяйство, сельскохозяйственные машины, пищевая, химическая и нефтехимическая промышленность, потребительские товары (обувь, одежда, игрушки) и туризм. Кроме того не стоит забывать и о товарах автомобилестроительной и железнодорожной промышленности, уличной мебели,

возобновляемых источниках энергии, медицинском страховании и горнодобывающем оборудовании, а также о секторах с большой долей испанского присутствия, таких, как финансы, сфера услуг, энергетика и консалтинг.

Испанское сотрудничество в Аргентине, хотя оно и имеет национальный аспект, сосредоточено на северо-востоке, северо-западе в областях и регионах, где уровень развития остается на достаточно низком уровне. Что касается секторов, то в основном включают в себя: сельское хозяйство, образование, научное сотрудничество (программы межвузовского сотрудничества), водоснабжение и здоровье. В то время, как в рамках испанского сотрудничества, после устойчивого экономического и гуманитарного кризиса в Аргентине в 2001 году, был организован ряд проектов, главным образом, через аргентинские и испанские НПО, в последние годы сотрудничество начинает принимать характер двусторонних переговоров с Аргентинским правительством на национальном, областном и муниципальном уровнях, а также включает частно-государственное партнерство для развития. Программа сотрудничества с Аргентиной входит в ряд тех, которые будут пересмотрены и переработаны в соответствии с положениями Генерального плана IV сотрудничества Испании 2013-2016 [6]. В марте 2014 года Управление по техническому сотрудничеству было закрыто, с целью проведения переговоров и заключения соглашения о сотрудничестве следующего поколения.

Для Испании Латиноамериканский регион в целом, и Аргентина в том числе остается, прежде всего, рынком сбыта готовой продукции: машиностроения, химической и металлургической промышленности, однако постепенно стал увеличиваться испанский экспорт технологически сложной наукоемкой продукции.

Библиографический список

- [1] Чемакина О.Ю. Испания и Латинская Америка: к вопросу о тенденциях политических контактов /О.Ю. Чемакина // Международный Вестник. - 2006. – № 8. - С. 13
- [2] Составлено по данным: World Economic Outlook. October 2009. International Monetary Fund, 2009
- [3] Составлено по данным: World Economic Outlook. October 2010. International Monetary Fund, 2010, p. 2, 85.
- [4] Составлено по данным: Официального сайта Министерства экономики и государственных финансов Аргентины [Электронный ресурс].-URL: <http://www.proargentina.gov.ar/>
- [5] Официальный сайт Евростата [Электронный ресурс].-URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>
- [6] Официальный сайт Правительства Испании [Электронный ресурс].-URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/Paginas/index.aspx>

**Роман «Плоть» Жулиу Рибейру
как текстуализированная форма «трагедии общин»**

Автор анализирует проблемы трагедии общин в контексте прозы в поздней Бразильской Империи. Роман бразильского писателя Жулиу Рибейру анализируется как текстуализированная и нарративная форма трагедии общин. Автор полагает, что трагедия общин имела преимущественно культурный и интеллектуальный характер. Трагедия общин радикально изменила траектории и направления развития и истории бразильской идентичности.

Ключевые слова: Бразилия, трагедия общин, идентичность, литература

The author analyzes problems of tragedy of the commons in context of prose in the late Brazilian Empire. The novel of Brazilian writer Julio Ribeiro is analyzed as textualized and narrative form of tragedy of the commons. The author believes that tragedy of the commons was predominantly cultural and primarily intellectual character. The tragedy of commons radically changed trajectories and directions of developments and a history of Brazilian identity.

Keywords: Brazil, tragedy of the commons, identity, literature

19 и 20 века в истории стран Латинской Америки, включая Бразилию, стали историей модернизации. Модернизация в Южной Америке была процессом чрезвычайно противоречивым, а ее проведение со стороны национальных политических элит могло носить непоследовательный характер. Среди противоречивых последствий модернизационных процессов были их различные и порой диаметрально противоположные результаты и последствия для различных культурных, политических, социальных и экономических групп. Если одни экономические и политические группы воспользовались преференциями и преимуществами, которые были открыты перед ними в результате модернизации, то другие группы, наоборот, проиграли, фактически ничего не получили, утратили свои социальные и экономические позиции.

Это привело к значительной фрагментации бразильского общества, появлению новых групп, которые были весьма успешны, и поражению их исторических оппонентов. Это явление в самой широкой перспективе может быть определено как трагедия общин.

Единой дефиниции социального, политического, культурного и экономического явления «трагедия общин» (trag-

edy of the Commons, tragédia dos comuns, tragédia dos bens comuns) в историографии не существует. Термин «трагедия общин» был впервые введен в академический оборот в первой половине 19 века Вилльямом Ллойдом [4]. На протяжении длительного времени этот термин активно не использовался, пребывал в тени других социальных, политических и экономических теорий, пока в 1968 году он вновь не был введен в оборот Гарретом Хардиным [3]. Термин «трагедия общин» является спорным, став причиной и стимулом для дискуссий, а ряд авторов (Иэн Энгус [1]) и вовсе воспринимают его как идеологически выверенный миф.

В целом, под трагедией общин следует понимать совокупность явлений и процессов, связанных с изменением политических, социальных и экономических статусов и ролей в результате проведения реформ, революций и трансформаций.

В центре авторского внимания в данной статье проблемы отражения процессов трагедии общин в дискурсе бразильской прозы периода поздней Империи в контексте романа Жулиу Рибейру [2; 5] «Плоть» [7]. Трагедия общин в самом общем плане состоит в том, что члены, которые ранее могли принадлежать к успешному и динамично меняющемуся, развивающемуся сообществу начинают осознавать то, что их группа не в состоянии адаптироваться к новым условиям, не может адекватно реагировать на внутренние и внешние политические, экономические и социальные вызовы, что постепенно, неизбежно, содействует ее кризису, упадку, падению и маргинализации.

Трагедии общин следует признать универсальным явлением, которые имели место и в истории стран Латинской Америки, в том числе – в Бразильской Империи. Трагедии общин в Бразилии периода Империи были разнообразны, но, как правило, они имели социальный и экономический характер, будучи связанными с невозможностью тех или иных групп адекватно и оперативно реагировать на социальные, политические и экономические измерения, перемены и трансформации.

Главным участником бразильской трагедии общин в романе Жулиу Рибейру «Плоть», который уже был в центре авторского внимания в более ранних статьях [8; 9], вероятно, следует признать Барбозу – любовника Лениды [6]. Трагедия Барбозы, как типичного представителя сообщества, к которому он

принадлежал, начинается с личной трагедии одиночества, когда он теряет свою любовницу: «Барбоза рухнул в кресло. Он похолодел, побледнел, лицо у него приобрело землистый оттенок и покрылось свинцовыми пятнами. Черты его исказились. Лицо стало похоже на бронзовую маску, которая упала в костер и начала плавиться. Долго сидел он неподвижно, едва отвечая на вопросы отца».

Трагедия Барбозы в романе отягощена размышлениями в традициях социально маркированного и мотивированного расизма, в рамках которого женщине отводилась роль одного из предметов потребления: «Барбоза снова повесил голову и предался горестным думам, как будто ему доставляло удовольствие беречь кровотокающую, незаживающую рану. Какое безумие! Когда-то у него были десятки любовниц и законная жена, он глубоко изучил капризную, невротическую, переменчивую, алогичную, фальшивую абсурдную натуру самки человеческого рода, хорошо знал женщину, ее матку, ее плоть, ее немощный мозг, поработанный плотью, управляемый маткой, и так глупо, так нелепо, словно неопытный молокосос, угодил в сети женских чар!». Но Барбоза нашел радикальный вариант для борьбы с трагедией общин («Войдя в спальню, он лег, впрыснул себе морфию и заснул»), что фактически стало актом коллективного самоубийства социального класса, который оказался не в состоянии адаптироваться и приспособиться к новым социальным, культурным и экономическим условиям.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. В конце 1880-х годов политический класс Бразильской Империи пережил трагедию общин, которая стала следствием кризиса сложившихся моделей социального, политического и экономического развития, более не соответствовавших тенденциям развития экономики страны, которая пережила политическую революцию и отказ от монархической формы правления в пользу республики.

Трагедия общин в Бразилии носила преимущественно культурный и интеллектуальный характер, обнажив и актуализировав узость политической и социальной базы элит Империи и их неспособность решать те проблемы, с которыми они столкнулись, но попытки свести бразильский вариант трагедии общин только и исключительно к интеллектуальным процессам, будет явным упрощением и схематизацией более

сложного исторического процесса. Вероятно, следует предположить, что интеллектуальная компонента бразильской трагедии общин, имела социальные и политические основания.

Интеллектуальная трагедия политического и экономического класса как трагедия общин стимулировалась социальным кризисом той модели экономического развития, которая доминировала в Бразильской Империи и была основана на использовании экономически и капиталистически маркированного и мотивированного рабства. Тем не менее, социальные и экономические факторы, несмотря на их значительную роль, не были определяющими как в генезисе, так и в протекании бразильского варианта трагедии общин.

Автор полагает, что подлинные и реальные причины такого явления как трагедия общин в интеллектуальной истории Бразильской Империи во второй половине 1880-х годов следует искать в процессах развития идентичности и идей политической нации в Империи. К концу 1880-х годов Бразильская Империя достигла определенных успехов в развитии нации и национальной идентичности, представляя собой в достаточной степени устойчивый и консолидированный политический проект. Тем не менее, бразильская идентичность, как и любая национальная идентичность, была совокупностью идей, коллективных представлений, выработанных и предложенных интеллектуалами в результате националистического воображения нации. В этом отношении бразильская идентичность была не только проектом, но и проектом весьма уязвимым как к внутренним, так и внешним вызовам.

Бразильская идентичность, как и любая другая воображаемая и изобретаемая идентичность, периодически подвергалась ревизии, пересмотру и переосмыслению. Волна пересмотра идентичности, связанная с усилением движением за реформы и отмену рабства, фактически актуализировала бразильскую трагедию общин конца 1880-х годов, одним из выразителей которых стал Жулиу Рибейру. Таким образом, бразильская трагедия общин, которая носила преимущественно культурный и интеллектуальный характер, привела к социокультурным трансформациям среди бразильского политического класса, самым существенным образом изменив, модифицировав и трансформировав его политические и экономические предпочтения, вынудив и заставив изобретать новые формы идентичности, новые политические и

национальные традиции, ставшие универсальной основой для функционирования политического и культурного национализма бразильской нации как республиканского и современного воображаемого сообщества.

Библиографический список

1. Angus I. The Myth of the Tragedy of the Commons / I. Angus [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.socialistvoice.ca/?p=316>
2. Corrêa de Figueiredo J. O romance suicida: realismo e ceticismo em “A Carne”, de Julio Ribeiro / J. Corrêa de Figueiredo // III Congresso de Letras da UERJ São Gonçalo, 16 a 20 de Outubro de 2006. Universidade do Estado do Rio de Janeiro [Электронный ресурс]. – URL: http://www.filologia.org.br/cluerj-sg/anais/iii/completos_Ccomunicacoes_Cjulianocorrea.pdf
3. Hardin G. The Tragedy of the Commons / G. Hardin // Science. – 1968. – No 162. – P. 1243 – 1248.
4. Lloyd W.F. Two lectures on the checks to population / W.F. Lloyd. – Oxford: Oxford University, 1833.
5. Masiero A.L. A histeria em “A carne”, de Julio Ribeiro / A.L. Masiero // Estudos Interdisciplinares em Psicologia. – 2012. – Vol. 3. – No 2. – P. 196 – 214.
6. Patrasso R., Grant W.H. O feminino, a literatura e a sexuação / R. Patrasso, W.H. Grant // Psicologia clínica. – 2007. – Vol. 19. – No 2. – P. 133 – 151.
7. Ribeiro J. A carne / J. Ribeiro. – São Paulo: Editora Três, 1972.
8. Кирчанов М.В. Проблемы истории бразильского натурализма («Плоть» Жулиу Рибейру в контексте европейских и бразильских влияний) / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2. – С. 24 – 42
9. Кирчанов М.В. “...histérica, o erotismo, de crueldade...”: истерия как “изобретенная традиция” и воображаемое “место памяти” в контексте социальной и культурной истории поздней Бразильской Империи / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2. – С. 54 – 69

Политическая динамика и процессы в Аргентине, Уругвае и Парагвае в XIX и XX веке

Автор анализирует политические институты и процессы в Латинской Америке. Анализируется политическая региональная динамика в контексте истории Аргентины, Уругвая и Парагвая.

Ключевые слова: политические институты, политические процессы, Аргентина, Уругвай, Парагвай, регионализация

The author analyzes political institutions and processes in Latin America. Political dynamics in the regional context of the history of Argentina, Uruguay and Paraguay is analyzed.

Keywords: political institutions, political processes, Argentina, Uruguay, Paraguay, regionalization

Латинская Америка как один из самых крупных регионов мира имеет деление на определенные субрегионы, исходя из своего географического и этнического разнообразия. Сам регион Латинской Америки представляет собой общее название стран Южной Америки и Карибского бассейна, в основном использующих иберо-романские языки. Один из самых больших по площади регионов мира Латинская Америка занимает территорию более 19 млн квадратных километров [3]. Однозначного деления на субрегионы не существует, однако в классическом понимании Латинскую Америку разделяют на 4 наиболее крупных: Андские страны, Средняя Америка, страны амазонского бассейна и страны лаплатского субрегиона.

Ла-Плата представляет собой страны бассейна Ла-Платы — Большой Аргентины, Ла-Плата - это, прежде всего, историко-культурный регион на юго-востоке Южной Америки, традиционно к нему относят такие страны, как Аргентина, Уругвай и Парагвай [10, с. 88 – 89].

Для более точной характеристики субрегиона стоит отметить, что существует точка зрения, согласно которой выделяется особый субрегион, который называется Южный Конус. Помимо трех вышеперечисленных стран в его состав входит Чили, однако данное территориальное деление не имеет каких-либо специальных экономических, исторических или этнических оснований, а скорее является совокупностью этих стран на политической карте Южной Америки.

Ла-Плата является одним из наиболее экономически развитых субрегионов Латинской Америки в виду того, что в его состав входит страна- один из двух абсолютных экономических и политических лидеров всего региона. Действительно, показатели развития именно Аргентины и Бразилии остаются наиболее высокими среди других латино-американских государств.

Предпосылки образования современного субрегиона Ла-Платы заложены еще в колониальной истории Латинской Америки. На протяжении нескольких веков влияние Испании в регионе было невероятно сильным, однако она постоянно сталкивалась с претензиями Португалии на владение значительными территориями Южной Америки. После падения испанского могущества, когда роль сильнейшей европейской державы перешла к Франции, свое внимание Испания сосредоточила на многочисленных колониях и, прежде всего, в Южной Америки. Созданное еще в 16 веке губернаторство Рио-де-ла-Плата ко времени краха испанской империи стало одним из главных оплотов испанского влияния. Уже в 17 веке центром всего континента становится быстро развивающийся город-порт Буэнос-Айрес, забрав этот статус у столицы Перу-Лимы. В связи с португальской экспансией, а также нарастанием противоречий между столицей вице-королевства Лимой, и развивающимся портом Буэнос-Айрес, в 1776 году было создано вице-королевство Рио-де-ла-Плата. Оно включало в себя территорию современных государств Аргентины, Парагвая, Уругвая и Боливии. Однако просуществовало оно недолго, и после событий, которые в аргентинской истории названы Майской революцией, прекратило свое существование. В 1810 году в результате войны за независимость, влияние испанской короны над вице-королевством Рио-де-ла-Плата прекратилось, а данные события стали началом процесса, который привел к независимости Аргентины, официально провозглашенной 9 июля 1816 года [1, р. 87].

Новое государство получило название Соединенные провинции Рио-де-Ла-Платы, а его территория состояла из территорий современной Аргентины, Уругвая и нескольких провинций современных Боливии и Бразилии. Однако просуществовало оно недолго с 1810 по 1830 год, поскольку уже в 1825 году от Соединённых провинций Рио-де-ла-Платы отделилась Республика Боливар.

После обретения независимости, вся полнота власти в только что образованных государствах региона, как правило, принадлежала вождям, которые опирались на армию. С уверенностью можно сказать, что в 19 веке каждая страна в Латинской Америке испытала на себе влияние каудильизма. Суть этого явления состоит в том, что вокруг «сильной» личности спланивается круг людей, рассчитывающих решить свои проблемы при помощи патрона. В политической борьбе на первый план выходили личные качества лидера, его умение управлять толпой, завоевав ее доверие. При этом в странах формально сохранялись конституции, представительные органы, имитировалось проведение выборов, соответственно такое положение приводило к слабости государственной власти [9, с. 84]. Главными чертами, которые характеризуют политическую ситуацию в регионе, можно назвать многочисленные военные перевороты, гражданские войны и установления личных диктатур. Однако стоит отметить, что границы, которые были установлены между новыми государствами, являлись скорее формальными, что в свою очередь приводило к новым конфликтам. Крупнейшим из них были: борьба Уругвая за независимость, аргентино-бразильская война и самая кровавая война в истории Латинской Америки – Парагвайская.

В 20-е годы 19 века Аргентина вела активные войны с Бразильской империей за присоединение различных территорий. Основная борьба развернулась за земли нынешнего Уругвая, поскольку у обеих стран было стремление включить левобережные земли Ла-Платы в свой состав. Уругвай сопротивлялся попыткам аннексии со стороны Аргентины, результатом чего стала аннексия уже со стороны Бразилии в 1816 году и вхождение в ее состав. Начавшееся в 1825 году военное восстание против Бразильской империи группой из 33 уругвайских патриотов ознаменовало продолжение борьбы за свою независимость. Однако окончательно независимость Восточная Республика Уругвай получила только спустя три года после окончания войны между Аргентиной и Бразилией, подписанием договора, по которому обе страны признавали границы нового государства.

На протяжении еще долгого времени Аргентина и Бразилия продолжали вмешиваться во внутренние дела Уругвая, это было обусловлено как его расположением, так и

тем фактом, что постоянно враждующие между собой группировки обращались за помощью к обоим соседям для получения власти внутри страны. Ярким примером может служить Лаплатская война, которая продолжалась с 18 августа 1851 года по 3 февраля 1852 года. Данное вооруженное противостояние между Аргентинской конфедерацией с одной стороны, и Бразилией и Уругваем с другой было лишь частью борьбы между двумя лидерами за влияние над территориями Уругвая и Парагвая, и за господство в регионе Ла-Плата [2]. По итогам этой войны влияние Бразильской империи в регионе Южной Америки стало подавляющим, а само государство поднялось на новую ступень развития, заметно опережая своих соседей, приобретая стабильность и укрепив собственной положение в регионе. В свою очередь Аргентина теряет влияние над Ла-Платским регионом, позволив Бразилии установить свою гегемонию. Однако окончание данной войны не ознаменовалось разрешением всех конфликтов в Ла-Платском регионе, постоянная политическая нестабильность в странах, относящихся к этому региону, порождала различного рода столкновения между государствами. Обострились внутренние противоречия в Аргентине, вспыхнувшая гражданская война на долгие годы затормозила развитие государства и не позволила бороться за возвращение статуса лидера в регионе. Разделение Аргентины длилось почти десять лет, до сентября 1861 года, когда Буэнос-Айрес вернулся в состав конфедерации, а в стране на время наступила стабильность и спокойствие.

Именно этот период ознаменовался успешными либеральными преобразованиями, которые стали залогом сплочения нации и формирования современного независимого государства. Вторая половина 19 века была ознаменована волной буржуазных революций, которые принимали форму гражданских войн. Движущей силой этих столкновений были либерально настроенные представители имущих слоев населения, которые выступили за обновление общества и государства путем проведения политических и экономических реформ.

Вообще для того чтобы более ясно понять процессы становления государств региона и политические преобразования в них, необходимо рассмотреть концепцию, которую предложил Сармьенто – «цивилизации и варварства».

Он оказался не только успешным политическим деятелем Аргентины, но и мыслителем, поскольку сумел выдвинуть теорию о том, что вся история государств Латинской Америки представляет собой непрекращающееся противостояние двух величин - прогрессивного и варварского. В его представлении это борьба провинций с их консервативным укладом, патриархальными традициями пережитков колониальной эпохи и городов как центров экономической, политической и культурной жизни с их развитой инфраструктурой [4, с. 179 – 180].

Приходя к власти, латиноамериканские реформаторы, вооруженные идеями либерализма, стремились покончить с такими пережитками «варварства», как сохранение влияния церкви, общинное землевладение, рабство, жесткая централизация власти, разнообразные препятствия на пути свободного предпринимательства. Разумеется, с точки зрения интересов буржуазно-демократического развития либеральные реформы являлись прогрессивными мерами. Однако проходили они в большинстве случаев с трудом, преодолевая сопротивление не только консерваторов, но и широких слоев населения [12, с. 25].

Одним из ярких примеров прогрессивного развития в регионе являлся Парагвай, государство на несколько десятилетий опередившее своих соседей. Однако история становления независимого государства было ознаменовано убийством целой страны, как по-другому ее называют сердца Латинской Америки.

В 1811 году Парагвай объявил о своей независимости и начал собственное планомерное развитие во всех областях жизни и деятельности. Страну возглавил лидер, режим которого нельзя назвать либеральным, однако подобная политика Хосе Франсии принесла желаемый эффект. В результате множества проведенных реформ, в стране на высоком уровне функционировала промышленная отрасль, была развита отрасль сельского хозяйства, что позволило Парагваю чувствовать свою экономическую независимость, не смотря на изоляцию от внешних экономических процессов как в регионе, так и во всем мире.

Уже к середине 19 века наметилась тенденция, согласно которой Парагвай приобрел статус самого динамично развивающегося государства со своими хорошо

функционирующими отраслями экономики и развитой социальной сферой. Так, например, В Парагвае уже в 19 веке существовали такие понятия, как бесплатная медицина и образование, а социальная дифференциация общества не была сильно выраженной. Преемнику Франции удалось преобразовать армию страны по европейскому опыту, построить крепости, увеличить численность личного состава, создать собственную отлаженную оборонную промышленность, что стало основополагающим фактором в победе в семилетней войне против Аргентины, в результате которой аргентинский лидер признал независимость Парагвая спустя несколько десятков лет. Именно в это период страна достигла высшей точки в своем развитии.

Несомненно, успешные результаты экономических и социальных преобразований в Парагвае не могли остаться незамеченными в соседних странах. К успешному опыту Парагвая присматривался соседний Уругвай, а после него эксперимент мог победно пройти по всему континенту. Возможное объединение Парагвая и Уругвая бросало вызов интересам Великобритании, местным региональным державам – Аргентине и Бразилии, это вызывало опасения англичан и латиноамериканских правящих кругов. Кроме того, у Парагвая и Аргентины был затяжной конфликт, основанный на территориальных спорах. Нужен был повод к войне и его быстро нашли [8, с. 7 – 8].

Парагвай являлся территорией, влияние над которой хотели получить оба региональных лидера, свои интересы в назревающем конфликте были как у Бразилии, так и у Аргентины. Поэтому Парагвай буквально вынудили вступить в войну и ответить на вооруженную агрессию. Не смотря на то, что для Уругвая Парагвай являлся стратегически важным партнером, управляемый пробразильским режимом Уругвай выступил в этой войне против своего соседа, поступившись собственными интересами. Таким образом, был образован Тройственный союз между Аргентиной, Бразилией и Уругваем, который активно поддерживался европейскими лидерами с помощью поставок оружия и выдачи кредитов. Считалось, что война будет недолгой, слишком разные были показатели у Парагвая и трех стран – численность населения, мощь экономик, помощь «мирового сообщества». Война фактически спонсировалась займами Лондонского Банка и банкирскими

домами братьев Бэринг и «Н. М. Ротшильд и сыновья». Однако постепенно перевес в силах стал сказываться, Парагвай был обречен на поражение, которое оказалось лишь вопросом времени, ввиду сильно превосходившей армии противника и помощи извне. Но народ стойко и до последнего защищал свою Родину, создавались многочисленные партизанские отряды, воевали большое количество женщин и детей.

В результате этой войны все заинтересованные стороны получили желаемое, территория Парагвая оказалась разделена в пользу Аргентины и Бразилии, однако полностью поделить страну Бразилия отказалась, предпочитая иметь некую буферную зону между собственной территорией и своим региональным соперником за лидерство. Получила свои дивиденды и Великобритания, которая оказывала непосредственную помощь Тройственному Союзу, а Парагвай, потеряв весь свой накопленный потенциал, откатился назад в развитии, не сумев сохранить свой успешный опыт и стать основой для подобных перемен в странах-соседах.

Как уже было отмечено ранее, характерной чертой социально-политической жизни латиноамериканских республик являлась живучесть патриархально-патерналистских, каудильистских. Суть подобного явления была в сплочении круга людей вокруг сильной и тоталитарной личности, надеясь оказаться у власти вслед за этой личностью как его ближайшая опора. Такой путь в повседневной жизни выглядел наиболее доступным и реальным, и соответственно применялся в политической борьбе, когда народ образовывал подобные объединения вокруг ярких личностей с задатками настоящего лидера. Они, имея хорошую поддержку в виде военной силы, устанавливали свою власть в политических движениях, партиях, в государстве. В конце 19 – начале 20 века в Аргентине это был режим элитарной демократии, олицетворявший политическое господство помещичье-буржуазной элиты общества в либеральных и демократических образах. Например, в регулярно проводившихся выборах участвовало лишь несколько десятков тысяч избирателей, в то время как общее население Аргентины в 1895 г. насчитывало 4 млн. жителей, а в 1914 году – 7,9 млн. Однако и такие выборы превращались в формальность. На деле исход их решался заранее, в закулисных сделках между лидерами соперничавших фракций и кланов помещичье-буржуазной верхушки [7, с. 264]. Но именно

на базе элитарной демократии удалось покончить с междоусобными гражданскими войнами, преодолеть раскол и укрепить единство страны и ее политическую стабильность, придать сложившемуся режиму определенную гибкость. Однако уже в конце 19 - начале 20 века бурное экономическое и социальное развитие Аргентины, завоевание ею ведущих позиций в регионе по уровню экономики привели к тому, что в начале 20 века «элитарная демократия» перестала соответствовать изменившимся условиям [11, с. 104].

В Уругвае в начале 20 века почти столетняя эпоха междоусобных гражданских войн, мятежей и анархии сменилась установлением стабильного и довольно демократического конституционного режима после проведенных глубоких политических и социальных реформ. Это сделало Уругвай самым демократическим государством региона и закрепило за ним в дальнейшем репутацию латиноамериканской Швейцарии. Что касается Парагвая, то в начале 20 века относительная политическая стабильность и приток эмигрантов из Европы и Аргентины помогли стране снова оказаться на подъеме, впервые после поражения в Парагвайской войне.

В самом конце XIX века в Латинскую Америку начали проникать социалистические идеи, и первой латиноамериканской страной, где возникла социалистическая партия, стала Аргентина, затем подобные партии появились в Чили и Уругвае. Так же как и в Южной Европе, в Латинской Америке с социалистами уверенно конкурировали анархисты, идеи и тактика которых импонировали низам латиноамериканского общества. Это был весьма противоречивый процесс, в котором переплетались консервативные, либерально-реформистские и революционные тенденции. В разных странах их соотношение было неодинаковым, но этот результат определял общую динамику развития латиноамериканского общества. Так либерально-реформистские тенденции определили динамику развития Уругвая и Аргентины [6, с. 328].

Для того чтобы подвести итоги политической обстановки, которая образовалась в странах региона в конце 19-начале 20 века, необходимо отметить несколько важных аспектов. Во-первых, после многочисленных войн и борьбы за независимость в политической жизни новых государств мир и порядок установить не удалось, они стали соперничать друг с

другом, с целью овладения большим количеством территорий. В свою очередь это ознаменовалось непрекращающейся борьбой за пост президента в каждой конкретной стране. Обычно, власть попадала в руки военных или гражданских вождей, захватывавших ее при помощи оружия. Во-вторых, 19 век ознаменовался непрекращающимися и кровопролитными гражданскими войнами, государственными переворотами и постоянной борьбой двух держав за лидерство в регионе, обладанием территорией. На этом фоне стали проходить массовые протестные движения. Такого рода явления свидетельствовали о глубоком кризисе сложившейся в латиноамериканских странах системе государственного управления, демонстрировали ее уязвимость и несоответствие реальным интересам и коренным потребностям общества. Значительные общественные силы открыто восставали против государства, требовали его радикального реформирования.

В целом 20 век с точки зрения политической жизни можно сравнить с событиями, которые происходили в 19 веке. Для стран региона 20 столетие стало наполнено политическими провокациями и политической нестабильностью, частой сменой режимов, переходом власти от одной правящей элиты к другой. Важной особенностью политической обстановки того времени были постоянные военные перевороты, и в этой ситуации роль главной политической силы, которая противостоит стихии, устанавливает порядок, нередко брала на себя армия. Авторитет армии в латиноамериканских странах имеет определённые исторические традиции, поскольку в прошлом революционные армии под руководством революционных генералов вели борьбу за независимость своих стран.

В таком контексте происходили экономические и политические трансформации. Главным содержанием общественных изменений в Латинской Америке, продолжавшихся несколько десятилетий, явилось формирование принципиально новой модели политического развития, в центр которой выдвинулось государство и его структуры, так называемая государствоцентричная модель. Наиболее законченный вид новая парадигма взаимоотношений государства и общества получила в тех странах, где к власти пришли национал-реформистские и популистские режимы. Так, в Аргентине этот курс был связан с именем Хуана Доминго Перрона, который сформулировал новую идеологию со

значительным элементом популизма. Эта идеология, получившая название перонизм, известна также как хустисиализм, пропагандировала так называемый третий путь развития между капитализмом и социализмом. Перонизм представлял собой попытку соединения элементов различных идеологий для сплочения всех социальных групп под лозунгами построения справедливого общества [13, с. 232 – 233].

Соответственно можно сделать вывод, что важной характеристикой политической основы 20 века стало такое явление как популизм, которое унаследовало многие черты каудильизма, но стало намного разнообразнее и сложнее, представляя собой объединение вокруг сильных личностей, авторитарных и харизматических вождей. Однако подобная политика имела множество недостатков и не могла продержаться долго, однако кризис политики популистских режимов привел государства в исторический тупик, выход из которого, в силу серьезных социально-экономических, пролегал через установление военных диктатур.

Новые репрессивные авторитарные режимы, характерные для Аргентины и ряда других стран Латинской Америки, были шагом назад по сравнению с национал-реформистскими. Не обошел стороной новый репрессивный режим и Уругвай. Военная диктатура в Уругвае 1973—1985 годов является важной вехой как в истории самой страны, так и всего латиноамериканского региона. Это связано с тем, что на фоне большинства государств Латинской Америки для Уругвая в целом была характерна политическая стабильность, устойчивость демократических традиций, неучастие военных в политической жизни страны. Несмотря на то, что для латиноамериканского региона характерно значительное влияние военных на политическое развитие стран, Уругвай представлял собой определенное исключение.

Политика насилия и репрессий установилась в Парагвае еще раньше. После серии мятежей и гражданской войны в конце 1940-х годов в Парагвае царил внутривластный хаос: рухнула система государственной власти, а армия разбилась на враждующие между собой группировки. Как результат власть в свои руки захватил военный генерал, который на протяжении 35 лет оставался у власти, путем политических чисток и фальсификаций безальтернативных выборов.

В 1976 году в результате переворота в Аргентине к власти пришла военная хунта, в результате которой были резко ограничены политические свободы, введена цензура, приостановлена деятельность партий и профсоюзов. Военные развязали так называемую Грязную войну, в ходе которой были убиты тысячи граждан Аргентины, заподозренных в связях с левыми группировками. Экономическим фоном диктатуры были чрезвычайно высокие темпы роста инфляции и государственного долга, что ещё больше усугубляло ситуацию в стране.

Крах этой политики произошел в 1982 году, когда Аргентина потерпела чувствительное поражение в войне за Фолклендские острова. Вообще, в 80-х годах, как цепная реакция, началось восстановление демократических режимов, в Уругвае это произошло в 1985, в Парагвае в 1989. Однако, приход к власти новых демократически избранных правительств не привел к изменению экономической ситуации на основе нового неолиберального варианта хозяйственной модернизации [5, с. 129].

Политическим выражением общественных процессов в Латинской Америке, связанных с проблемами преодоления негативных последствий неолиберальных реформ 90-х годов, стал приход к власти электоральным путем целой группы левоориентированных правительств, что получило наименование левый поворот. Стратегическая задача современных левых режимов – доказать, что в рамках парадигмы «левого поворота» возможно обеспечить сочетание экономического роста и социального прогресса. Как результат в 2003 году президентом Аргентины становится Нестор Киршнер, а в 2004 в Уругвае побеждает кандидат Широкого фронта левых сил Табаре Васкес.

Таким образом, на протяжении двух столетий с момента обретения независимости и до современного этапа страны Латинской Америки были подвержены многочисленным кровопролитным гражданским войнам, государственным военным переворотам, переходам власти от одной политической силы к другой. Политическая нестабильность – вот, что характеризует абсолютно все государства региона в течении последних двух столетий. В этой атмосфере непрерывалась борьба держав за лидерство в регионе, Аргентина и Бразилия исходя из своих геополитических и

социально-экономических особенностей постоянно претендовали на роль регионального лидера. Что касается субрегиона Ла-Плата, то на протяжении двух веков Аргентина здесь четко обозначила свое лидирующее положение. Общие исторические корни и сходная культура, главным образом политическая стали основными фактором процессов интеграции между государствами субрегиона. Все страны региона на протяжении большей части своей истории находились под внешним влиянием – сначала это была европейская метрополия – Испания или Португалия, потом неформальное господство США. Попытки интеграции в рамках региона стали осуществляться только в конце 20 века, когда в государствах возникла благоприятная политическая и экономическая ситуация.

Библиографический список

1. Demaría G. Historia Genealógica de los Virreyes del Río de la Plata / G.. Demaría, D. Molina de Castro. — Buenos Aires, 2001. — С. 87
2. Scheina R. Latin American Wars: The age of the caudillo, 1791-1899 / Robert L. Sheina. - Nebraska, 2003. — 245-246 pp.
3. World Development Indicators. The World Bank [Electronic resource]. — URL: <http://worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>
4. Казаков В. П. Д. Ф. Сармьенто — президент-реформатор Аргентины (1811—1888) / В. П. Казаков // Новая и новейшая история. — 2014. — № 1. — С. 179—180.
5. Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран 1914-1997. — М.: Центр гуманитарного образования, 2006. — С. 129
6. Новиков С. В. Всеобщая история / С. В. Новиков, А.С. Маныкин, О.В. Дмитриева. - М.: АСТ: СЛОВО: Полиграфиздат, 2010. — С. 328
7. Примашев Н. М. Республика Аргентина: истоки и становление / Н. М. Примашев. - М. : Экон-информ, 2004. — С. 265
8. Самсонов А. Как убили "сердце Америки" / А. Самсонов // Военное обозрение. — 2012. - №1. — С. 7 - 8
9. Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке: пособие для вузов / А. И. Строганов. — М.: Дрофа, 2012. — С. 84
10. Тархов С. А. Новая Российская Энциклопедия / С.А. Тархов — Т. 9. — М.: Инфра-М, 2012. — С. 88—89.
11. Юдовская А. Я. Новая история / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина. - 14-е изд. — М.: Просвещение, 2009.— С. 104
12. Яковлев П. Государство и общество в Латинской Америке: история и современность / П. Яковлев // Перспективы. — 2014. - №3. — С. 25
13. Яковлев П. П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине / П. П. Яковлев. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. - С. 232-233.

КУБА – США: ОБРЕЧЕННЫЕ НА СОСЕДСТВО (СЛОЖНАЯ ИСТОРИЯ АМЕРИКАНО-КУБИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Ноам Хомски

Кубинско-американские отношения

Пожалуй, наиболее характерной чертой войны Вашингтона против Кубы, которая ведется с того самого момента, как она наконец получила свободу в 1959 году, является ее исступление. Когда министр США Роберт Макнамара давал показания перед комитетом Черча в Сенате, подтвердил, что решение Кеннеди вскоре после вступления в должность президента осуществить вторжение в Плая-Хирон было принято в атмосфере «истерии». На первом же заседании правительства после неудачного вторжения, атмосфера была «почти дикой», как показывает заместитель госсекретаря Честер Боулз, описывая «практически сумасшедшую реакцию на программу действий». Существенной составляющей этой «программы действий» была масштабная террористическая война. Роберт Кеннеди, на которого была возложена задача координации массовой кампании государственного международного терроризма, неоднократно заявлял, что свержение правительства Кубы было «главным приоритетом правительства Соединенных Штатов - все остальное вторично - сколько бы времени, денег, усилий или человеческих жизней это ни стоило».

Сам президент понимал, что союзники США «думают, что мы немного помешаны» на Кубе, причем остаемся ими и по сей день. Когда Куба находилась в крайне тяжелом состоянии после распада Советского Союза, либеральные демократы во главе с Биллом Клинтонem сильнее затянули вокруг неё (Кубы) петлю, превосходя администрацию Буша в стремлении «посеять хаос на Кубе» (конгрессмен Роберт Торричелли, ответственный за это направление «деятельности»). Такой перекоc в сторону

экстремизма вызвал определенную обеспокоенность даже в Пентагоне. Военный колледж армии США в 1993 году предостерег против «эмоционального запала», который завладел ведущими американскими политиками, видевшими в Кастро «воплощение зла, которое должно быть наказано за неповиновение Соединенным Штатам, как и за все другие безобразия», хотя и сомнительно, что что-то из последнего считалось опаснее чем «неповиновение Соединенным Штатам».

По словам советника и доверенного лица Джона Кеннеди историка Артура Шлезингера, брата Кеннеди стремились воплотить на Кубе "все ужасы мира». Террористическая война против Кубы вновь обострилась в конце 1970-х. А уже администрация Рейгана добавляет Кубу в список государств, поддерживающих терроризм.

Иронично, что Куба заменила в этом списке Ирак Саддама Хусейна, который был из него исключен, чтобы администрация Рейгана могла поставлять своему новому союзнику значительную помощь. Саддам оставался лучшим другом до 1990 года, пока он внезапно не превратился в сознании американцев чуть ли не в новое воплощение Гитлера - причем не из-за «тривиальных действий» массового уничтожения курдов, а из-за совершения реального преступления: он отказался выполнять приказы из Вашингтона, или же, возможно, неверно трактовал их. После вторжения США в Ирак он попал в плен и был приговорен к смертной казни за преступления, совершенные в 1982 году - именно в этом году, когда его исключили из списка государств, поддерживающих терроризм. Опять же и этот парадокс остался незамеченным.

Конечно, существовал и официальный повод для осуждения в 1982 году Кубы в качестве «государства-спонсора терроризма»: ее обвинили в поддержке народов Центральной Америки, которые оказывали сопротивление так называемой «войне с терроризмом», объявленной администрацией Рейгана после прихода к власти. На самом деле под вывеской «войны с терроризмом» скрывалась террористическая кампания в Центральной Америке, результатом которой стали сотни тысяч погибших и существенные разрушения в странах региона - результат, который подается в ретроспективе как большая победа американского идеализма и продвижение демократии.

Еще одна стандартная претензия, которая до сегодняшнего дня предъявляется Кубе - это обеспечение прав человека. Правда, такая отговорка за пределами «посвященных» кругов может вызвать разве что улыбку - в свете ситуации с обеспечением прав человека привилегированными государствами-клиентами Вашингтона, не говоря уже о его собственных сомнительных успехах на этом поприще.

Запуская террористическую кампанию против Кубы, президент Кеннеди усилил эмбарго, инициированное еще президентом Эйзенхауэром - как объяснили высокопоставленные чиновники на законодательном уровне, поскольку «кубинский народ в ответе за свой режим» (заместитель государственного секретаря Дуглас Диллон), то и должен за свои грехи страдать от голода и нищеты. Кеннеди согласился, что Вашингтон был вправе вызвать «рост дискомфорта среди голодных кубинцев». Основные тезисы блокады были изложены представителем Госдепартамента Эйзенхауэра Лестером Мэллори еще в апреле 1960 года, когда администрация тайно обязалась свергнуть ненавистный режим: Кастро планировалось свергнуть благодаря «разочарованию и огорчению, вызванным экономическими трудностями, поэтому следует осуществить все возможное для немедленного ослабления экономической жизни Кубы с целью провоцирования голода, отчаяния и смещения правительства».

Торговое эмбарго беспрецедентной тяжести, введенное Кеннеди параллельно с террористической войной, запрещало любые операции с товарами «кубинского происхождения» или такими, которые «были расположены или транспортированы с территории Кубы или через ее территорию, или полученная целой или частично любая статья товара, который был выращен, собран или изготовлен на Кубе».

В последующие годы были потрачены огромные ресурсы на обеспечение мониторинга международной торговли, чтобы удостовериться в том, что требования блокады соблюдаются - никаких послаблений, когда необходимо запретить какое-то изделие, которое может включать в себя кубинский никель (президенты Джонсон и Рейган), или швейцарский шоколад с использованием кубинского сахара (президент Клинтон). Союзников следует простить за то, что они еще сдержанно высказываются, когда рассматривают эти пылкие усилия всего американского политического спектра как «безумие».

Показательным стал зачитанный в Конгрессе в апреле 2004 года отчет государственного казначейства о деятельности своего Управления по контролю за иностранными активами (OFAC), ответственного за расследование подозрительных финансовых переводов, которые были главным компонентом «войны с террором». OFAC сообщил Конгрессу, что четверем из его 120 сотрудников было поручено отслеживать финансы Усамы бен Ладена и Саддама Хусейна, тогда как почти два десятка были заняты обеспечением соблюдения эмбарго против Кубы. С 1990 по 2003 годы OFAC отчиталось о 93 расследованиях, связанных с терроризмом, общей стоимостью в \$ 9000 - и в то же время о 11000 расследований, связанных с Кубой, на которые было затрачено \$ 8 млн. государственных средств.

По сути, ничего не изменилось даже после того, как радикальные исламисты, которые продолжали получать поддержку от ЦРУ, почти уничтожили Всемирный торговый центр еще в 1993 году (не говоря уже об их других, более амбициозных, нереализованных планах, которые чуть ли не были сорваны). Откровения в Конгрессе остались без каких-либо упоминаний в прессе, хотя там речь шла об осуждении сенатором Максом Баукса «все более абсурдной и странной одержимости администрации Кубой» и «злоупотреблении деньгами налогоплательщиков» для наказания Кубы - «опасный уход от реальности ... в то время, когда Соединенные Штаты сталкиваются с весьма реальной террористической угрозой на Ближнем Востоке и в других регионах». Эта «странная навязчивая идея» прослеживается еще с первых месяцев после свержения поддерживаемой США диктатуры Батисты и была доведена до настоящего фанатизма в годы правления Кеннеди.

Усилия, направленные на праведное наказание народа Кубы, осуществляются в условиях практически единогласного неприятия их в мире, о чем красноречиво свидетельствуют ежегодные голосования в Организации Объединенных Наций по снятию американского эмбарго против Кубы, в которых на стороне Вашингтона выступают только зависимые от него клиенты: Израиль и некоторые тихоокеанские островные государства. Игнорирование мирового общественного мнения, конечно, уже привычно, как и пренебрежение к общественному мнению в самих США, которая в течение десятилетий

подавляющим большинством выступает за нормализацию отношений с Кубой.

Более необычным является то, что оголтелая атака на Кубу противоречит и воле компаний с наибольшей концентрацией частной собственности в сельском хозяйстве, фармацевтической промышленности, энергетических корпорациях и тому подобное. Государственный интерес в разгроме Кубе преобладает даже этот, обычно решающий, фактор в формировании международных отношений. «Странная одержимость» является иррациональной в свете любой угрозы со стороны Кубы, за одним исключением крайне серьезной угрозы в октябре 1962 года, которая в значительной мере была следствием террористической войны, которая должна была достичь своего пика именно в этом месяце путем подстрекания «открытого восстания и свержения коммунистического режима», которая могло достичь своего «окончательного успеха» только с помощью «решающей военной интервенции США». Историк Томас Патерсон пришел к вполне правдоподобному выводу, что «если бы не было высадки экспедиции в Плая-Хирон, тайной подрывной деятельности, покушений, военных учений и планов, экономических и дипломатических шагов, которые преследовали цель изоляции и уничтожения правительства Кастро в Гаване, то не было бы и Карибского ракетного кризиса. Истоки кризиса октября 1962 были во многом обусловлены спланированной кампанией США для подавления Кубинской революции». Но, если исключить угрозы, самостоятельно вызванные Вашингтоном, оказывается, что «истерия» действительно лежит за пределами разумного.

Вместе с тем, иррациональность никоим образом не означает, что нет никакого рационального объяснения, даже для таких действий его можно найти. Наряду с глубокими историческими корнями, их обоснования рационально вытекают из требований мирового доминирования. ЦРУ сообщило Белому дому, что свержение режима Кастро "будет ключом ко всей Латинской Америки; если же Куба выживет, мы можем ожидать, что потеряем контроль над большинством стран Латинской Америки». А если мы не можем контролировать наш тыл в Латинской Америке, мы не сможем «добиться успешного поддержания порядка в других частях мира» (то есть, навязывать свои правила всему миру), - добавил Совет

национальной безопасности Никсона. Как объяснял Генри Киссинджер, выражая свою поддержку террористическим войнам Рейгана в Центральной Америке: «Если мы не сможем управлять Центральной Америке, невозможно будет убедить уязвимые страны в Персидском заливе и в других местах, мы знаем, как поддерживать глобальную равновесие». Говоря понятным языком, мы не сможем эффективно управлять миром - всегда на благо всего человечества, по определению. Другие части мира имеют еще более важное значение, особенно что касается нефтегазоносных регионов на Ближнем Востоке. По словам влиятельного планировщика Адольфа Берли, выдающегося деятеля в администрации Ф. Д. Рузвельта и последующих либеральных правительствах, контроль над ними обеспечит «достаточный контроль над миром».

Эти действия подчинялись «теории домино», выступавшей в двух вариантах. Общественность запугивали угрозой военного вторжения, например, когда Рейган оседлал ковбойского коня и объявил в стране чрезвычайное положение, потому что Сандинистские полчища всего лишь в двух днях пути от Харлингена в Техасе и вот-вот захватят эту славную мировую столицу мускатного ореха, чтобы обеспечить военный плацдарм для россиян (если они, конечно, смогут найти этот городок на карте); и подобные глупости повторялись из года в год. Эту смехотворную версию с насмешкой было отвергнуто после разоблачения ее абсурдности, но серьезная версия «теории домино» никогда не опровергалась - ведь она абсолютно обоснована. Ее можно назвать «доктриной мафии», и она является одним из немногих распространенных принципов имперского господства - одержимости обеспечением «глобального равновесия» или «стабильности», в зависимости от выбранного эвфемизма.

Логика проста и абсолютно рациональна. «Крестный отец» не терпит неповиновения. Если какой-то мелкий владелец магазина не оплатит деньги за защиту, «крестный отец» посылает своих головорезов - не столько чтобы собрать те гроши, которые он даже не заметит, сколько чтобы побить виновника до полусмерти, чтобы у других и не возникало мыслей, что неповиновение допустимо. Он должен поддерживать состояние, при котором «вирус» не «будет распространять заразу» в других местах - выражаясь терминологией Киссинджера, которую он применял, участвуя в

свержении парламентского режима в Чили и установлении режима убийц и палачей, которые занялись распространением более приемлемой формы «заразы», став в рамках внедренной США операции «Кондор» центром жестокого международного террора.

Логика мафии регулярно применяется в международных отношениях. Куба - только отдельный этому пример. Основная проблема, которая отходила от Кубы, сразу же была обнаружена администрацией Эйзенхауэра.

В Государственном департаменте поняли, что Кастро «отвергает концепцию, согласно которой защита всего полушария должна осуществляться под руководством США» (термин «защита» имеет свое обычное значение: контроль и в случае необходимости агрессия). Более того, Госдеп предупредил, что Кастро «выступает за более активную роль Латинской Америки, если это возможно, то под руководством Кубы, как самостоятельной силы, тесно связанной с афро-азиатским блоком, в мировых делах ...» Последнее беспокойство породило новую вспышку истерии 15 лет спустя, когда после распада Португальской колониальной империи, Куба (как доказал историк Пьеро Гллезес, вполне бескорыстно) сыграла ведущую роль в освобождении Черной Африки и в создании предпосылок для падения проамериканского режима апартеида в Южной Африке. Государственный департамент Эйзенхауэра также предупреждал, что успех экономических программ Кастро может поставить под угрозу американские экономические интересы в Латинской Америке, возможно, даже за ее пределами. Исполняющий обязанности государственного секретаря Дуглас Диллон предупредил, что «если Куба успешно закончит свои мероприятия, которые она осуществляет против американских собственников [в значительной степени владевшими едва ли не всей Кубой], сам наш подход к частным предприятиям за рубежом будет в серьезной опасности».

Как объяснил посол США на Кубе Филипп Бонсал, основная проблема заключается в том, что «Кастро, как и раньше, продолжает пользоваться поддержкой масс». По этой причине аналитик Государственного департамента по вопросам Латинской Америки Калвин Хилл сетует на «четкое эмоциональное нежелание многих кубинцев признавать тот факт, что их союз с Кастро плохо закончится». Детская эмоциональность латиноамериканского темперамента всегда

беспокоила осмотрительных и рациональных американских чиновников. В частности, в ноябре 2009 года, когда президент Обама, пойдя вразрез с позицией стран Европы и Латинской Америки, признал результаты выборов в Гондурасе, которые проводились в условиях военного положения; представитель США в ОАГ должен был инструктировать отсталых латиноамериканских пеонов, что они должны присоединиться к США в «реальном мире», оставив «мир магического реализма» и признав военный переворот, как это сделал Большой Брат.

Когда Кеннеди сменил на посту Эйзенхауэра, ЦРУ озвучило примерно такие же опасения. В июле 1961 ЦРУ отметило, что «большое влияние «кастроизма» не является результатом пропаганды кубинской власти ... тень Кастро набирает угрожающие размеры, поскольку социально-экономические условия в странах Латинской Америки способствуют росту оппозиции существующим властям и дают простор для агитации за радикальные изменения», действенный пример которых предлагает возглавляемая Кастро Куба. С подобным выводом избранного президентом Кеннеди ознакомил Артур Шлезингер в докладе о своей миссии в Латинскую Америку, предупреждая о поддержке латиноамериканцами «идеи Кастро взять дело в свои руки». Шлезингер позже признал, что опасность «идей Кастро» особенно серьезная, когда «распределение земли и остального национального богатства благоприятно исключительно для имущих классов, а бедные и обездоленные, имея перед глазами пример Кубинской революции, требуют возможностей для достойной жизни».

Не осталась в стороне внимания и советская угроза. Кеннеди опасался, что российская помощь может повернуть Кубу на сторону прогрессивного развития, что даст Советскому Союзу преимущество во всей Латинской Америке. Совет по планированию политики Государственного департамента вскоре актуализировал поднятые опасения: согласно его выводам, «главная опасность, с которой мы сталкиваемся в лице Кастро», заключается «в воздействии самого факта существования его режима как левого движения во многих странах Латинской Америки ... Один тот факт, что Кастро успешно противостоит США, является отрицанием всей нашей политики в Западном полушарии за предыдущие полтора века»- то есть со времен доктрины Монро, в которой утверждались

намерения и право Вашингтона доминировать в своем полушарии.

Как следует из обвинений против Кастро, 50-летний поход с целью свержения кубинского правительства имеет давние исторические корни. Джон Квинси Адамс, создатель большой стратегии и интеллектуальный вдохновитель доктрины Монро, писал, что «присоединение Кубы к нашей федеративной республике будет необходимо для продолжения существования и целостности Союза». С этим утверждением согласен и Томас Джефферсон: «Присоединение Кубы к нашей конфедерации - именно то, что необходимо для распространения власти нашей нации ... Владение этим островом, а также полуостровом Флорида, обеспечит нам контроль как над Мексиканским заливом, так и над соседними странами и центральноамериканским перешейком, поднимет наш политический вес». Его преемники признали такие границы расширения слишком скромными. Выдающийся историк Джон Льюис Гаддис вывел «истoki доктрины Буша» (относительно ведения превентивной войны) в известном государственном документе героя своего исследования - Джона Квинси Адамса, - в котором оправдывался кровопролитный захват Флориды в 1818 году, одновременно устанавливая прецедент для самовольного решения войны президентом (в нарушение Конституции). Гаддис объясняет, что Адамс закрепил принцип, по которому экспансия рассматривается как путь к безопасности, и вполне сочувственно отмечает, что этим принципом руководствуются политические лидеры с тех пор и до сегодняшнего дня, доходя до планов «монополизации космоса» в военных целях.

Адамс понимал, что с завоеванием Кубы придется подождать. Серьезным препятствием этому были британцы, которые к тому же блокировали и неоднократные попытки США покорить Канаду. Однако Адамс осознавал, что по мере того, как сила США будет увеличиваться, а Великобритании - уменьшаться, - это препятствие исчезнет, и Куба сама попадет в руки Вашингтона по «закону политического притяжения», точно как яблоко падает с дерева. Наконец, этот «закон» сработал во время американо-испанской войны 1898 года, когда США осуществили под видом «освобождения Кубы» военное вмешательство с целью не допустить завоевания Кубой настоящей независимости от испанского владычества.

Историки Эрнест Мэй и Филипп Зеликов справедливо считают, что Куба была превращена в «фактическую колонию» США. Полоска территории на востоке Кубы, включая ключевой кубинский порт в бухте Гуантанамо, остается настоящей колонией до нашего времени благодаря силой навязанного Кубе соглашения 1902 и используется в последнее время с нарушением положений этой «сделки» - в частности, как лагерь для гаитян, бежавших из страны от террора поддерживаемой США военной хунты, а также в качестве базы для пыток подозреваемых во враждебных Вашингтону действиях или намерениях.

«Фактическая колония» получила настоящую независимость в 1959 году (за исключением Гуантанамо). И уже через несколько месяцев она стала мишенью для силового и экономического давления, которое имело цель наказания жителей «этой адской маленькой республики», готовность которой продолжать борьбу против очередных «освободителей» в свое время так разозлила расиста и экспансиониста Теодора Рузвельта, что тот гневно объявил, что «хотел бы стереть ее народ с лица земли». Народ, и до сих пор отказывается соглашаться с отведенной ему ролью послушного слуги североамериканского хозяина.

Следующее важное исследование позволит услышать голоса жертв международного терроризма, запущенного еще братьями Кеннеди, и прекрасно характеризует господствующую культуру империализма США и их западных союзников.

Источник: Ноам Хомський про кубинсько-американські відносини [Електронний ресурс]. – URL: <http://commons.com.ua/noam-homskij-pro-kubinsko-amerikan/> Перевод с украинского Ю. Корденковой.

Некоторые проблемы кубино-американских отношений

20 – 22 марта 2016 г. состоялся исторический визит актуального американского президента Барака Обамы на Кубу. Потепление между Гаваной и Вашингтоном не означает подчинение США. Его не принимает старший брат кубинского лидера Рауля Кастро – сохранивший влияние Фидель Кастро.

Обама подчеркнул, что речь идет о «потеплении с кубинским народом, а не с правительством». На вопрос почему именно сейчас, ответил: «то, что было сделано раньше, не функционировало». Сделал самокритические декларации: «Политика изоляции накопила плохой опыт в XXI веке», «Эмбарго только навредило кубинскому народу, вместо того, чтобы помочь ему», «Будущее Кубы принадлежит кубинскому народу». Объявил целью визита «защиту демократии и свободы, равенство граждан перед законом, свободу выражения идей, свободное и демократическое избирание правительств, свободу критиковать правительство, свободу предпринимательства».

Обама конкретно раскритиковал репрессии против инакомыслящих и защитил «право на мирный протест» и призвал «не бояться ареста, из-за упражнения этого права». Эти слова были сказаны на следующий день, после совместной пресс-конференции с Раулем Кастро, в присутствии всех СМИ.

Нормализация между Гаваной и Вашингтоном имеет, прежде всего, экономические измерения. Министр внешней торговли и иностранных инвестиций Кубы Родриго Мальмиерка анализирует прогресс во внешней торговле и инвестиционных отношениях между Кубой и США. Он считает, что они продолжают развиваться к «полной нормализации двусторонних связей... Мы оценили диалог и его вклад в урегулировании и восстановлении нормального состояния наших отношений. Кубинская сторона принимает американский доллар для транснациональных переводов. Такое решение не только влияет на прямую связь между Кубой и США, но и на кубинские предприятия в их связях с предприятиями из других государств. Международные финансовые институты в последние годы наложили санкции на стоимость 14 миллиардов

долларов, поэтому можно ожидать, что будут сопротивляться финансовым операциям с Кубой, если не будет гарантий безопасности для предприятий. Запрет на использование доллара в переводах между американскими и кубинскими предприятиями, за исключением некоторых конкретных случаев, порождает дополнительные расходы и вредит интересам постоянно расширяющейся торговли между Кубой и США». Министр Родриго Мальмиерка указал на некоторые проблемы, которые не нашли своего разрешения, во времени настоящего визита Барака Обамы:

- Невозможность для кубинских предприятий импортировать услуги и продукты из США, что приводит к осуществлению односторонней торговли.
- Запрет для американских предпринимателей инвестировать на Кубу, кроме как в секторе телекоммуникаций.
- Нехватка разрешения для кубинских банков устанавливать отношения с американскими банками и открывать счета для переводов.

Он охарактеризовал весь набор препятствий перед развитием экономического сотрудничества следующим образом: «Такие меры являются дискриминационными в отношении государственного сектора», «Блокада – основное препятствие для развития Кубы, которое причинило стране ущерб в размере 112 миллиарда долларов», «Рынок США должен открыться к рынку Кубы таким же способом, как это делают предприниматели со всего мира», «Не Куба дискриминирует предпринимателей из США, а их собственные североамериканские законы».

Надо, однако, отметить, что все эти препятствия перед полноценным сотрудничеством между Гаваной и Вашингтоном все еще дают определенные привилегии кубинцам, которые эмигрируют в США. В результате, во время предвыборной кампании, появились два реальных кандидата на президентский пост кубинского происхождения из Республиканской Партии. Один из них пока сохраняет шансы на успех. После полной нормализации отношений, в этом году предполагается упразднение привилегий кубинцам, раздражающих других латиноамериканских иммигрантов.

Сразу, после окончания визита Барака Обамы в Гаване, первый заместитель председателя Государственного Совета Республики Куба Мигель Диас – Каннель провел деловую

встречу с исполнительным секретарем Европейской Экономической Комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского Бассейна (ЭКЛАК) Алисией Барсеной. Стороны обсудили вопрос об обновлении кубинской экономической модели. «Мигель Диас-Каннель: кубинский политик, бывший инженер, затем министр образования Кубы. 24.02.2013г. с переизбранием Рауля Кастро на второй пятилетний срок, на пост председателя Государственного Совета Кубы, Мигель Диас-Каннель был избран его первым заместителем. Ряд экспертов прочит ему место преемника Рауля Кастро, который уже заявил, что не будет претендовать на пост председателя в третий раз». На Кубе дают о себе знать структурные проблемы руководства страны: во первых, это уже давно уходящее поколение ветеранов революции; во вторых, налицо стратегическая блокировка руководства. Она вызвана тем, что второе поколение революционных лидеров было выведено из рядов партийного и государственного руководства. Это, прежде всего, Фелипе Перес Роке, Карлос Лаге, Роберто Робайна, Отто Риверо, Карлос Валенсияга и т. д. Поскольку, именно эти лидеры являлись первым продуктом «революционного образования и воспитания» и считались авангардом Кубинской Коммунистической Партии, идея «нового человека» и качество этой формации партийных кадров были поставлены под вопросом. Таким образом, перед будущим развитием страны заложена мина, которая рано или поздно, доведет до возникновения нестабильности и социального труса.

Вопреки этой реальности, не-иссякающий оптимизм, по поводу сохранения моральных ценностей и перспектив развития Кубинской Революции, демонстрирует ее лидер и символ Фидель Кастро:

В своей обобщающей статье, посвященной визиту Барака Обамы, в газете «Гранма» - главном органе Центрального Комитета Кубинской Коммунистической Партии, бывший верховный вождь подчеркивает, что «Куба не нуждается в подарках со стороны империи... народ этой благородной и бескорыстной страны не откажется от «славы, прав, духовного богатства, которых приобрел развитием образования, науки и культуры... нам не нужно чтобы империя чего-то дарила... наши усилия будут законными и мирными, потому что наша цель: мир и братство всех человеческих существ на этой планете». В своей статье Фидель Кастро еще просматривает и анализирует

вмешательство США в кубинские дела еще с освобождения от испанского господства и делает акцент на поражения, нанесенные развитию социалистического кубинского государства агрессиями и диверсиями северо-американских наемников, указывая на пример битвы в бухте Плая Хирон. Также, он припоминает решающее кубинское участие в освобождении и сохранении независимости Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и других африканских колоний фашистского режима Салазара-Кайетану в Португалии. Здесь надо припомнить крепкую дружбу Фиделя и Рауля Кастро с португальскими военными революционерами: в свое время высшие кубинские отличия получили вожди революции «красных гвоздик» 25.04.1974г. Не зря, первый отклик в газете «Гранма» на эту статью пришел из бывшей азиатской колонии Португалии – Восточного Тимора. Читатель кубинского официоза сердечно поблагодарил Фиделя Кастро за всестороннюю кубинскую помощь в завоевании независимости и потом в укреплении молодого государства. Конкретно, он имел в виду подготовку на Кубе сотен врачей с Восточного Тимора. В статье содержатся обвинения против США, как и против ЮАР, Израиль и других тогдашних союзников Вашингтона, которые снабжали всем необходимым армий врагов прогресса в лузо-фонских странах, на фоне жесточайших граждански войн в них. Фидель Кастро этого не забыл и не простил.

Бывший верховный кубинский лидер дает понять, что является ярким противником потепления отношений между Гаваной и Вашингтоном. Он остался в сторону от визита североамериканского президента и попыток улучшения отношений. Которые, так или иначе, будут сведены на нет, если один из республиканских кандидатов: Трамп или Круз выиграет президентские выборы осенью.

Спикер Госдепартамента Джон Кирби прокомментировал статью нейтральным, примирительным тоном: он заявил, что Фидель Кастро может обсуждать от своего имени американо-кубинские отношения. Однако, признал что последние 60 лет не принесли ничего хорошего для обоих народов и пора их поменять таким образом, чтобы наконец-то дошли до нормального состояния.

На фоне знаковой статьи Фиделя, вышла и безличная статья Рауля, посвященная профсоюзному движению на Кубе.

Видимо, младший брат пока воздерживается открыто поддержать старшего.

Предстоит посмотреть у кого из братьев Кастро больше влияния на внешнеполитические решения.

Кубинские сообщества во Флориде

Вопросу миграции кубинцев на территорию США уделено особое внимание в иммиграционном законодательстве Соединенных Штатов, ввиду сложных многолетних политических отношений и географической близости между двумя странами. Кубинцы были одной из десяти крупнейших национальностей, населявших Соединенные Штаты с 1970 года. По состоянию на 2013 год, более чем 1,1 миллиона кубинских иммигрантов проживают в Соединенных Штатах, что составляет 2,8 процента от общего числа иммигрантов, прибывших на территорию США.

Данная тема, безусловно, актуальна в виду следующих факторов. Известно, что после объявления в 2014 году президентом США Бараком Обамой о возобновлении отношений, тема многолетней американо-кубинской истории вновь приобрела популярность[7]. По мере движения политической ситуации, вопросы идентичности кубинских американцев стремительно развиваются. Несмотря на то, что отношения с Кубой не представляют особой важности для региональной геополитики США, тем не менее, внутренняя политика, так или иначе, переплетается с вопросами кубинских мигрантов на территорию государства. Автор исследует данную взаимосвязь, основываясь на анализе миграции кубинцев и их политической и социальной роли.

Тенденция кубинских политических эмигрантов, прибывающих в США, началась в девятнадцатом веке, когда Испания все еще занимала остров[3][4]. Первые эмигранты прибыли в 1823. Многие из них надеялись, что Соединенные Штаты аннексируют Кубу, поэтому поддержали неудавшееся восстание против Испании в 1867. В течение 1890-х годов, сосланный Кубинский националистический лидер Хосе Марти организовал второе восстание и искал поддержки тысяч соотечественников кубинских эмигрантов в Нью-Йорке и Флориде. После того, как Куба, наконец, отвоевала свою полную независимость, кубинское правительство стало практиковать деспотичный диктаторский режим. В конце 1910-х годов кубинцы стали постепенно перебираться в Майами[1]. В

1910 году число кубинцев, проживающих в США оценивается в чуть более 15 тысяч. После прихода к власти на Кубе Фиделя Кастро, число кубинских мигрантов в Соединенные Штаты возросло до 215000 в первые годы после революции. В период с 1959 по 1962 год, 119,922 кубинцев прибыло в Соединенные Штаты. Эти люди были в основном представителями кубинской элиты: руководители и владельцы фирм, крупные торговцев, владельцев сахарных заводов, скотоводы, представители иностранных компаний. Они использовали всевозможные варианты, чтобы выбраться из страны. Одни въезжали в США по туристическим и студенческим визам, другие объездным путем - через Канаду. Около 14 тысяч несовершеннолетних детей без сопровождения прибыли в Соединенные Штаты в 1960 году и 1961 через тайную программу США под кодовым названием "Операция Pedro Pan". После 1961 года Кастро разрешил эмигрантам взять с собой лишь пять долларов, и потребовал сдать все другое имущество своему правительству. Сложившиеся условия после окончания Холодной Войны подвигли кубинцев покинуть родную страну в поиске лучших экономических условий. В 1994 и 1995 годах было подписано два соглашения о миграции между Кубой и Соединенными Штатами, направленных на обеспечение безопасной, правовой и упорядоченной иммиграции. Число кубинских американцев в Соединенных Штатах неуклонно растет: от 737,000 в 1990 году до 1,144,000 в 2013 году. По данным анализа исследовательского центра PEW, после объявления Бараком Обамой о возобновлении связи с Кубой в декабре 2014 года, количество кубинцев, вошедших на территорию США через порты ввода, увеличилось на 78 процентов.

Что касается вопроса идентичности, то из всех выходцев из Латинской Америки, на вопрос о расовой принадлежности, кубинцы больше всех склонны идентифицировать себя, как «белые». В данных переписи 2004 года, около 86% кубинцев указали, что они «белые», по сравнению с 60% мексиканцев, 53% среди других стран Центральной и Южной Америки и 50% среди пуэрториканцев. В данных переписи населения, треть или более мексиканцев, пуэрториканцев и других латиноамериканцев выбрали принадлежность к "какой-то другой расе", отвечая на этот вопрос, в то время, как лишь 8% кубинцев выбрали эту категорию.

Кубинские американцы добились значительного прогресса в адаптации к жизни в Соединенных Штатах. 1959 волна иммигрантов, уровень образования которых был значительно выше среднего, способствовали созданию экономической и культурной базы для прибывающих кубинцев. Тем не менее, успехи кубинцев привели к нарастанию напряженности в отношениях с афро-американцами, многие из которых чувствовал себя политически маргинальными и закрытыми от экономического прогресса[2][8]. Это трение привело к бунту в 1980 году в Майами, который вызвал увеличение уровня безработицы до 50% среди афро-американцев. В период после бунта, мало что изменилось, несмотря на обещания исправить основные причины восстания. Кубинские иммигранты и их потомки оставались наделены мощной политической и культурной силой в пределах Южной Флориды. На основе вышеперечисленного материала можно подвести следующую линию. Подавляющее большинство кубинцев, которые иммигрировали в Соединенные Штаты, обосновались во Флориде, где их политическая, экономическая и культурная жизнь была подвергнута изменениям. Первая волна кубинских беженцев была использована американским государством в качестве основания противостояния кубинскому правительству[10]. Мигранты 1960-х годов принесли кубинские обычаи в штат Флорида, а также антикоммунистические убеждения. Значительный объем последней волны кубинцев 1980-х годов усугубил и без того напряженные отношения с афро-американскими общинами, особенно в Майами.

Тем не менее, существует гипотеза, подтверждающая как важность кубинского населения для США, так и успехов размещения кубинских сообществ на территории этого государства. Латиноамериканцы кубинского происхождения являются политически активными. По их инициативе был создан Национальный кубинско-американский фонд. По словам Р. Фернана, «Первые потоки кубинских иммигрантов, бежавших от революции Кастро, пришли из верхних эшелонов общества: успешные, высокообразованные и политически активные». Кубинские американцы не только политически активны, они также более консервативны: отчет 2012 по Pew Hispanic Center показал, что более 70 процентов населения латинского происхождения избирателей поддержали Барака Обаму[6]. Кубинско-американское население Флориды разошлось в

голосах в следующей пропорции: 49% поддержали Обаму и 47% отдали свои голоса в пользу Митта Ромни. Но приоритеты меняются: второе и третье поколение американцев кубинского происхождения чувствуют себя более связанными с принявшей их страной[9].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что кубинское население на территории США оказывает значительное влияние на политические, экономические, и культурные аспекты деятельности государства. Кубинские иммиграционные волны наблюдались в за политических репрессий на Кубе. Большинство кубинских иммигрантов обосновались во Флориде. К 2008 году насчитывалось более 1,24 миллиона американцев кубинского происхождения, живущих в Соединенных Штатах, в основном, в Южной Флориде, что составляло около одной трети населения Майами. Многие из этих кубинцев считали себя политическими изгнанниками, беженцами, а не иммигрантами, надеясь в конце концов вернуться на Родину после того, как ее коммунистический режим падает. Большое количество кубинцев, укоренившихся в Южной Флориде, их "Маленькой Гаванне", смогли сохранить свою культуру и обычаи, что нетипично для таких объемных групп иммигрантов.

Библиографический список

1. Cuban Immigrants in the United States [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.migrationpolicy.org/article/cuban-immigrants-united-states>
2. Cuban-American population by the US City [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://www.nerdwallet.com/blog/cities/cubanamerican-population-city/>
3. Cuban-Americans: Politics, culture and shifting demographics [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://journalistsresource.org/studies/government/immigration/cuban-americans-politics-culture-demographics>
4. Cuban Immigrants [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://immigrationtounitedstates.org/453-cuban-immigrants.html>
5. Hispanics of Cuban Origin in the United States, 2011 [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.pewhispanic.org/2013/06/19/hispanics-of-cuban-origin-in-the-united-states-2011/>

6. Cubans in the US [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.pewhispanic.org/files/factsheets/23.pdf>
7. Cuban immigration to U.S. surges as relations warm [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/12/10/cuban-immigration-to-u-s-surges-as-relations-warm/>
8. Cuban Americans [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.everyculture.com/multi/Bu-Dr/Cuban-Americans.html>
9. Кубинско-американские организации и институты [Электронный ресурс].- Режим доступа: <https://cri.fiu.edu/cuban-america/org-institutes/>
10. Hispanic trends [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.pewhispanic.org/2015/09/15/hispanics-of-cuban-origin-in-the-united-states-2013/>

США и «посреднические перевороты» в Латинской Америке

Источник: Мохаммад Пурмохаммад, Каким образом Америка устраняет своих противников? / Мохаммад Пурмохаммад [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20150910/230192099.html> Печатается в сокращении

[...] Политики Соединенных Штатов, особенно со второй половины семидесятых годов прошлого века, активно поддерживают и сами реализуют тактику замены тех национальных правительств, которые действуют наперекор Западу. При этом Вашингтон считает данную установку частью собственных интересов. Первоначальным условием соглашения по смене власти в отдельно взятой стране считается разрешение на влияние Америки и ее прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела. Все это необходимо американцам, чтобы иметь возможность заручиться поддержкой своих новых союзников и друзей, угодных Западу. Куба, Индонезия, Чили и Никарагуа испытали на себе приемы американского вмешательства, нацеленного на смену национальных режимов этих стран.

В сентября 1933 года Фульхенсио Батиста во главе с сержантами кубинской армии осуществил в стране государственный переворот, в результате которого от власти был устранен президент Херардо Мачадо, а его место занял Рамон Грау Сан-Мартин.

Политика последнего поставила под удар ситуацию в экономической, социальной и политических областях, которая начиная еще с 1898 года обеспечивала интересы кубинской элиты и Соединенных Штатов. Грау Сан-Мартин в одностороннем порядке отменил кабальные обязательства Кубы перед США, известные как «поправка Платта», и тем самым вызвал гнев Вашингтона. Тогда американские политики вознамерились устранить его от власти и ради этого объединились с Батистой. В январе 1934 года Грау Сан-Мартин был отправлен в отставку и президентом страны стал Карлос Мондьета.

В 1934 - 1940 годах Батиста фактически распоряжался всей властью в стране. При поддержке Соединенных Штатов он смог закрепить за собой прозвище «сильнейшего человека» Кубы. В течение этих шести лет он, по сути, был «черным кардиналом» кубинской политики и благодаря своей растущей власти заставлял уходить в отставку тех президентов, которых не разделяли его политических взглядов. В конце концов, в 1940 году он официально принял участие в политической жизни страны, заняв пост президента Кубы.

Согласно кубинской Конституции, Батиста не мог оставаться президентом продолжительное время. По этой причине он решил сохранить свое влияние и вернуться в политику через несколько лет. Однако на президентских выборах в 1944 году победу одержал лидер оппозиционной коалиции Грау Сан-Мартин и Батисте пришлось отказаться от власти. В 1952 году он снова выдвинул свою кандидатуру для участия в новых выборах президента. Однако поняв, что из трех претендентов на президентское кресло у него самый низкий рейтинг, он вновь захватил власть путем переворота.

Батиста объяснил свой поступок желанием устранить коррупционного президента и в результате победил в ходе безальтернативных выборов, хотя набрал на них только 40% голосов избирателей. Получив в руки власть, Батиста стал править с опорой на кубинскую армию, вооружаемую Соединенными Штатами. В обмен на это, как пишет американский историк Стивен Амброс, новый президент признал тот факт, что он является лидером малой нации, которую инвестируют в основном США.

Другим примером американского вмешательства служит Гватемала. В 1951 — 1954 годах в этой стране правил президент Хакобо Арбенс Гусман, симпатизировавший партии коммунистов. Он начал проводить важную земельную реформу, однако в 1954 году ЦРУ отстранило его от власти и тем самым положило конец десятилетней работе правительства реформаторов.

Руководителем переворота в Гватемале ЦРУ назначило полковника Карлоса Кастильо Армаса. На тот момент он находился в Гондурасе и получал там всю необходимую ему помощь. Когда же атака оказалась неудачной, директор ЦРУ Аллен Даллес отправил Армасу старые бомбардировщики времен Второй мировой войны. Авиация выполнила свое

задание в небе над столицей страны, после чего Арбенс Гусман подал в отставку.

Аналогичный государственный переворот произошел и в Чили в 1973 году. Его целью было свержение избранного народного президента страны Сальвадора Альенде и устранение от власти его сторонников, придерживавшихся левых взглядов. Фактически, о своем согласии на осуществление переворота в письменной форме дали члены командования вооруженными силами страны, а затем и глава национальной полиции. На рассвете 11 сентября части военноморских сил взяли под свой контроль портовый город Вальпараисо.

В столице армия закрыла радиостанции и опубликовало обращение в поддержку переворота. Спустя несколько часов напротив президентского дворца выстроились танки. После начала его блокады последовала ракетная атака военновоздушных сил. Альенде не согласился на ссылку и совершил самоубийство, в результате чего власть в стране захватил Аугусто Пиночет. Этот переворот по устранению своенравного правительства тоже произошел при поддержке Соединенных Штатов.

Переворот по чилийскому сценарию произошел в Венесуэле против Уго Чавеса в 2002 году. Венесуэльский президент был одним из тех, кто с огромным уважением относился к антиамериканским политикам, таким как Фидель Кастро. Он стремился создать такое государство, которое бы не признавало существующий международный порядок и отрицало западные критерии либерализма. В связи с этим в конце января 2002 года началась работа по устранению Чавеса от власти. В определенный момент на улице собралась демонстрация некоторых членов рабочих профсоюзов и предпринимательских сообществ с требованием отставки президента. В апреле того же года часть военнослужащих, которых поддерживали круги предпринимателей, предприняли попытку устранить Чавеса с поста президента, однако спустя два дня они сдались властям.

Главной причиной провала переворота было то, что некоторые из участвовавших в нем военных пожалели о своем поступке. Впоследствии было обнаружено, что за организациями активистов, выступавших против Чавеса, (и рабочими профсоюзами в частности) стояли именно Соединенные Штаты. Еще одним доказательством

причастности этой страны к венесуэльскому перевороту в 2002 году стало то, что некоторые финансовые институты США, организованные для поддержки демократии, оказывали свою помощь участникам этого заговора.

После Сандинистской революции 1979 года Никарагуа тоже превратилась в страну, которая отказалась развиваться по американским стандартам, с чем Соединенные Штаты просто не могли мириться. В 1981 году тогдашний президент США Рональд Рейган уполномочил ЦРУ поддержать антисандинистские группировки и осуществить секретную операцию против властей Никарагуа. Не получив даже разрешения Конгресса, правительство Рейгана создало контрреволюционную армию под названием «контрас» и взяло на себя ее финансовое обеспечение. Эта армия состояла из бывших членов национальной гвардии бывшего никарагуанского лидера Анастасио Сомосы Гарсии.

Помимо этого, из видных представителей оппозиционной буржуазии Соединенные Штаты сформировали гражданское руководство, которое контролировалось контрреволюционной армией. Затем Вашингтон предпринял попытку в политическом и экономическом отношении изолировать Никарагуа на международном уровне. Используя церковную иерархию и особенно местную буржуазию, американцы увеличили внутреннее давление на сандинистов. Противостояние не закончилось и тогда, когда «контрас» понесли поражение в борьбе с сандистами. В 1990 году экономические санкции, введенные США против сандистов, привели к их поражению на выборах, что, по сути, было мягким переворотом, инспирированным Америкой в этой стране [...]

[...] Во внешнеполитических доктринах США, начиная со времен Трумэна и заканчивая президентством Рейгана, всегда заявлялось о праве американцев поддерживать интересы «свободного мира» в его противостоянии коммунизму, несмотря на то, что такая поддержка подразумевала нарушение чужого национального суверенитета. Даже после распада Советского Союза американские политики продолжали придерживаться широкого толкования Теодором Рузвельтом доктрины Монро о праве США вмешиваться во внутренние дела других стран. Несмотря на то, что много лет тому назад Соединенные Штаты провозгласили своим лозунгом принцип невмешательства, они

продолжают активно грубо нарушать национальный суверенитет других стран.

[...] В XX веке Соединенные Штаты не только взяли на себя осуществление роли интервента, вторгающегося во внутреннюю политику разных стран мира, особенно государств Центральной Америки и Карибского бассейна. Помимо всего прочего, американцы выработали и закрепили собственную региональную и мировую политику при помощи своих планов государственных переворотов, о которых теперь стало известно, а также посредством международных норм и институтов, призванных якобы отвечать за сбалансированное поведение на международной арене. Подобная тактика, сопровождающаяся активным вмешательством во внутреннюю политику других стран, продолжилась и после окончания холодной войны.

Институты, которые делают возможным вмешательство в рамках американской внешней политики, были созданы в течение 1898 — 1938 годов. Именно на этой основе Соединенные Штаты ради достижения своих внутренних и международных целей использовали тактику вмешательства как один из методов собственной внешней политики.

Реализация «посреднических переворотов», которые можно расценивать как способ тайного американского вмешательства, считается одной из внешнеполитических стратегий США, в рамках которой план по насильственной смене власти в конкретной стране осуществляют некие агенты, представленные, как правило, военными. В целом, подобная стратегия американской внешней политики формируется из национальной концепции США. Фактически, постепенно на фоне своего развития Америка превратилась в крупную державу, которая сама для себя сформулировала ответственность сверхдержавного масштаба. С другой стороны, еще со времен экономического кризиса 1929 года между теоретиками американской внешней политики существует противостояние по поводу того, какой же концепции надо следовать американским властям — вмешательства или изоляционизма [...]

Принимая во внимание нехватку у Соединенных Штатов опыта в создании эксплуататорской экономики в странах третьего мира и стремление основать собственные базы на границах с Россией и Китаем, американцы всегда выступали

против какой-либо революции или изменений во властных структурах отдельных стран. После окончания холодной войны и распада Советского Союза основанием для осуществления вмешательства стало желание сохранить существующий мировой порядок. По этой причине «посреднические перевороты» до сих пор доказывают вмешательство Вашингтона во внутренние дела других стран и, как считает американский лингвист и философ Ноам Хомский, данный принцип закрепился в политической системе Соединенных Штатов. Вместе с тем такое поведение американских политиков в международных делах вызвано определенным набором внутренних интересов и своего рода готовностью международной среды для осуществления агрессии и вмешательства.

ДРУГАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ПЕРЕВОДЫ

Виктор Каспарук

Чили-1973: как страна избежала коммунистической катастрофы

Автор анализирует спорные моменты в истории событий 1973 года в Чили, когда произошел военный переворот. Предполагается, что события 1973 года мифологизированы и идеологизированы.

Ключевые слова: Чили, политические процессы, авторитаризм, историческая память

The author analyzes the controversial moments in a history of the 1973 events in Chile, when military coup took place. It is assumed that the events of the 1973 are mythologized and ideologixed.

Tags: Chile, political processes, authoritarianism, historical memory

Президент Чили Сальвадор Альенде в 1973 году по сути стал жертвой противостояния в «холодной войне» двух тогдашних мировых сверхдержав: Советского Союза и Соединенных Штатов. Альенде продолжает оставаться в Чили довольно противоречивой персоной. Одними чилийцами он рассматривается почти как герой, другие осуждают его за провоцирование военного переворота [...]

Сейчас, когда со времени этих трагических событий прошло уже так много времени, возможно немногие помнят о том, что меньше чем за месяц до военного переворота чилийская нижняя палата парламента проголосовала за резолюцию «Acuerdo de la Camara de Diputados sobre el grave que brantamiento del orden constitucional y legal de la Republica» - об устранении Альенде от власти. Ее поддержал 81 депутат, и только 47 были против. Таким образом народ, через своих демократически избранных представителей, требовал прекратить над ним коммунистические эксперименты.

В частности, в этой резолюции говорилось о нарушении Альенде чилийской Конституции: «Нынешнее правительство республики, с момента своего создания, стремится получить абсолютную власть с явной целью подчинения всех граждан

строжайшем политическом и экономическом контроле со стороны государства. Ставя своей целью создание тоталитарной системы, которая является абсолютной противоположностью представительной демократии установленной Конституцией. Для достижения этой цели правительство прибегает не только к отдельным нарушениям Конституции и законов страны, он сделал их постоянной системой поведения. Дойдя до такой крайности, что он систематически игнорирует и презирает полномочия других ветвей власти, регулярно нарушая гарантии, которые Конституция предоставляет всем гражданам республики. А также позволив и поддерживая создание незаконных полномочий, которые представляют собой серьезную опасность для страны, поскольку они разрушают основные элементы институциональной легитимности и верховенства закона».

Резолюция была принята 23 августа 1973. После чего президент Альенде призвал полицию и вооруженные силы поддержать его.

Собственно, если бы Сальвадор Альенде был избран на президентскую должность в 1970 году более демократично, а не 36 процентами голосов избирателей, он бы, скорее всего, не демонстрировал свое неуважение к основным демократическим принципам.

Драматическая политическая ситуация заключалась в том, что большинство чилийского народа не было согласно с преобразованием Чили в рамках социалистической марксистской кубинской модели государства. Иными словами, изначально почти 2/3 чилийских избирателей не хотели видеть Альенде на президентском посту. И поэтому, когда 11 сентября 1973 президентский дворец подвергся нападению, Альенде не имел поддержки чилийского народа.

Таким образом, нарушение прав человека, которые были совершены военной диктатурой позже, должны быть отделены от непосредственно военного переворота, который был широко поддержан подавляющим большинством чилийского общества.

Президент Сальвадор Альенде, который произвольно трактовал законы и права человека, за годы своего правления привел экономику Чили к неизбежному краху. И когда попытки решить вопрос его президентства мирным путем (через политические каналы) не сработали, то военные были вынуждены вмешаться и действовать так, как того требовал

чилийский народ. Если бы этого не произошло, то в Чили все сегодня было бы так же, как на Кубе или в Венесуэле.

Смерть Альенде в Советском Союзе выдавали за убийство от рук военной хунты. Совершенно другие факты приводит американский исследователь Виктор Волски, пользуясь материалами, которые обнародовал в своей книге «Cuba nostra: Les secrets d'Etat de Fidel Castro» («Куба Ностра: государственные тайны Фиделя Кастро») известный специалист по Латинской Америке, французский журналист Ален Аммар.

Он в частности пишет: «восставшая армия осаждала президентский дворец «Ла Монеда». Приближенные Альенде и он сам были охвачены паникой. Альенде просит у командира подразделения, который готовится к штурму дворца, серию кратковременных перемирий, получает их и в конце концов принимает решение прекратить сопротивление. Он мчится по коридору второго этажа с криком «Будем сдаваться». Известив подчиненных о своем намерении, Альенде возвращается в свой кабинет, где его ожидает начальник его личной охраны, сотрудник службы безопасности Кубы Патрисио де ла Гардия [...] Кубинская разведка создала в Чили широкую агентурную сеть. В числе других был завербован глава президентской пресс-службы Аугусто Оливе (агент «Перро»), благодаря которому все мысли и настроения президента Чили практически мгновенно становились известны Гаване. Оливе дал знать своему кубинскому патрону, что Альенде намерен просить убежища в посольстве Швеции и поручил ему договориться со шведами. Такого позорного бегства с поля боя своего союзника Кастро не мог допустить ни в коем случае и отдал соответствующий приказ. Когда президент Чили вошел в кабинет, начальник его личной охраны схватил Альенде, силой посадил его за письменный стол и с криком «Президент умирает на своем посту» и прошил ему голову автоматной очередью (вот и разгадка еще непонятной детали легенды о самоубийстве Альенде – что он покончил с собой из автомата)».

Москве и Гаване нужен был Сальвадор Альенде, как легендарный борец-президент, а не человек, которого выбила из президентского кресла ее собственная некомпетентность.

Можно предположить, что своими решительными, хотя и неоднозначными действиями, Пиночет перекрыл пути к коммунизму. Ведь все шло к тому, что Чили могла стать второй в Латинской Америке коммунистической страной.

Ярый противник левых взглядов, Пиночет принимал активное участие в борьбе с Коммунистической партией, которая набирала популярность в Чили. Но, как добросовестный военный, против мнения власти старался не идти.

Видимо именно поэтому в 1970-х, когда власть в Чили находилась в руках левого правительства Сальвадора Альенде, Пиночет стал генералом. В 1973 году он занял пост главнокомандующего и, как отмечают, не в последнюю очередь потому, что Альенде считал, что Пиночету можно доверять. Однако уже через несколько месяцев Аугусто Пиночет возглавил вооруженный переворот.

Во многом масла в огонь подлил и визит кубинского лидера Фиделя Кастро в Чили. Это случилось в самое напряженное для Альенде время, когда президент пытался успокоить политические страсти, разгоревшиеся в стране. Целых три недели Кастро триумфально разъезжал по Чили, игнорируя призывы чилийских министров вернуться домой.

Фидель Кастро на все лады расхваливал радикальные шаги своего режима, нападал на парламентскую демократию и агитировал за марксистскую революцию. Его чилийские последователи громко обсуждали проекты полной экспроприации капиталистической собственности, установление так называемого «народного правосудия» и формирования «демократической армии».

Перспектива превращения Чили во вторую Кубу на глазах становилась реальностью. У правых оппонентов правительства Альенде и чилийских военных такое лавинообразное нарастание событий вызвало острую тревогу. И они решили действовать.

В течение всего срока своего правления Аугусто Пиночет не переставал называть себя патриотом и был человеком, который спас страну от хаоса и от коммунистической угрозы.

В 1970-х годах многие чилийцы придерживались такой же точки зрения. Именно тогда началось возрождение экономики страны, а в жизни людей вернулась стабильность. Однако оппозиция режиму Пиночета существовала всегда. К середине 1980-х годов левые партии вновь начали набирать популярность. К протестам против действий власти присоединялись тысячи чилийцев. В 1986 году Пиночет чудом

избежал гибели – тогда группа военных организовала покушение на жизнь диктатора.

Судя по всему, Пиночет переоценил степень своей популярности в народе. В 1980 году его правительство объявило о принятии Конституции страны. В ней указывался срок проведения президентских выборов. Предполагалось провести референдум о том, должен ли быть Пиночет единственным кандидатом на эту должность. К удивлению самого генерала, народ высказался за альтернативные выборы. Пиночету пришлось согласиться с возвращением к власти людей, на плечах которых никогда не было погон. В 1990 году Пиночет ушел с поста Президента Чили.

Однако, он сохранил за собой пост главнокомандующего. Армия подчинялась ему и только ему – и бывший диктатор не мог не воспользоваться этим. Он не только добился практически полного прекращения преследований своих сторонников, которых, как и самого Пиночета, обвиняли в преступлениях против человечности, но и смог заблокировать ряд радикальных политических инициатив новой власти.

Полномочия главнокомандующего Пиночет составил только в 1998 году. Хотя уже через день он стал пожизненным членом Сената страны.

Между тем, существовали в Чили объективные предпосылки для построения социализма с «чилийской спецификой»? Или успех Альенде на выборах был следствием «моды» на левизну, охватившего тогда Латинскую Америку? Если да, то насколько «мода» на политические идеи способна сосуществовать с реальной жизнью без ущерба для последнего?

Чили до 1970 года была отнюдь не самой бедной страной, в отличие, например, от Никарагуа, и не пребывала в противостоянии с сверхдержавой США, как это делала Куба.

Опровергает ли чилийский опыт либеральную аксиому о том, что для оздоровления экономики и ее успешного развития необходимо наличие тандема «свободный рынок – демократия»? И насколько модель экономического развития, выбранную при Пиночете, вообще можно считать либеральной?

Несмотря на всю открытость и приватизованность чилийской экономики, создание привлекательных условий для иностранного капитала и определение стратегических целей развития всегда оставалось там прерогативой государства.

Более того, военной хунтой был создан специальный механизм контроля за инвестициями, которые поступали в страну, что позволило Чили благополучно пройти кризисные для Латинской Америки 1980-е годы.

И до сих пор эти вопросы остаются без ответа. Возможно мешают эмоции, ведь режим Пиночета прославился массовым нарушением прав человека. С другой стороны, нельзя не спросить: а могло ли быть иначе в условиях жестокой и бескомпромиссной войны идеологий, в которой были виноваты не Чили, а сверхдержавы в лице СССР и США?

После смерти Аугусто Пиночета в декабре 2006 года, конечно, можно много негативно говорить о нем. Но сейчас Чили является единственной страной на американском континенте к югу от Соединенных Штатов, которая не принадлежит к третьему миру. И это произошло именно благодаря генералу Пиночету.

Очевидно, что Пиночет был диктатором, но благодаря именно ему чилийцам удалось избежать трагической судьбы кубинцев и северокорейцев, которые до сих пор страдают от безжалостных экспериментов марксизма. И главная заслуга генерала Аугусто Пиночета в том, что он смог предотвратить коммунистическую катастрофу.

Возможно, что его попытки изменить Чили к лучшему не всегда соответствовали стандартам принятых мировых демократических норм, но он также является ответственным за создание цивилизованной нации. По сути, он мало чем отличаясь от Оливера Кромвеля, английского лорда-протектора, чья статуя сейчас украшает британский парламент.

В советское время информационный поток о событиях в Чили имел однозначное направление, в результате чего вырисовывалась полностью однозначна картина. Законно избранный народом президент герой-мученик Альенде, с одной стороны, и кровожадный диктатор генерал Пиночет с противоположной, честные и прогрессивные устремления чилийского народа и в противовес им алчность мирового капитализма [...]

С точки зрения исторической правды и исторической справедливости следовало бы задаться вопросом – почему именно такие выдающиеся политические фигуры как Альенде и Пиночет, которые были обеспокоены национальными и

государственными интересами, ввергли родину в пропасть левых и правых политических излишеств.

Ответ лежит в плоскости попыток, как первого так и второго чилийского политика, воспользоваться упрощенными политическими целями и средствами для их достижения, оказавшись в ловушке иллюзорности «быстрого успеха» [...] Они оба обрекли Чили на ситуацию дьявольской альтернативы - диктатуры «левых» или диктатуры «правых», отрезав свою страну от нормального пути развития. К дьявольской альтернативе их подвели известные с библейских времен «благие намерения» и желание достичь их осуществления без чрезмерных усилий.

Вторая часть ответа на вопрос о причинах действий Альенде и Пиночета лежит в плоскости внешних факторов. Дары данайцев в форме помощи двух тогдашних сверхдержав оказались фатальными потому, что именно такого результата желали эти мировые сверхдержавы.

Посторонние силы всегда заинтересованы только в осуществлении собственных целей, а потому рассматривают другие страны и народы только инструментально, то есть упрощенно. Именно эта посторонняя упрощенность в подходах, которая наслоиась на упрощенность в подходах чилийских политиков, и стала условием роковой простоты упомянутого дьявольского выбора ...

Источник: Каспарук В. Чилі-1973: як країна уникла комуністичної катастрофи / В. Каспарук // Український тиждень. – 2013. – 17 вересня [Електронний ресурс]. – URL: <http://tyzhden.ua/History/89443/PrintView> Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова Печатается в сокращении.

**Теология освобождения и Папа Франциск:
насколько символично место встречи Папы Франциска и
Патриарха Кирилла**

Автор анализирует дискуссионные моменты первой в истории встречи Папы Римского в Патриархом Кириллом – главой Русской Православной Церкви, которая имела место в Гаване. Куба принадлежит к числу стран, где коммунистические власти пытались политически подчинить Церковь. Автор анализирует исторические и генетические связи между «теологией освобождения» и коммунистическими движениями.

Ключевые слова: теология освобождения, коммунизм, католицизм, авторитаризм

The author analyzes the controversial moments in a history of the first meeting of the Pope with Patriarch Kirill, the head of Russian Orthodox Church, which took place in Havana. Cuba is among the countries where the communist authorities tried to politically subordinate the Church. The author analyzes the historical and genetic links between "liberation theology" and communist movements.

Tags: liberation theology, Communism, Catholicism, authoritarianism

Первая официальная встреча предстоятеля РПЦ Патриарха Кирилла и главы Римско-Католической Церкви Папы Франциска оставило много загадок и вопросов. Во-первых, место встречи – Гавана, столица коммунистической Кубы. Кстати, в межцерковных связях символам придают чрезвычайно большое значение. А Гавана – это, безусловно, символ. Ведь на Кубе есть много политических заключенных режима Кастро. Политика Коммунистической партии Кубы в отношении религии и церкви мало отличается от аналогичной политики КПСС...

Что требовать от римского понтифика латиноамериканского происхождения, ведь почти всю вторую половину XX века на континенте царил культ кубинской революции как вызова ненавистным в Латинской Америке gringos, Los Estados Unidos - североамериканцам и Соединенным Штатам? Конечно, такие настроения были не тотальны, а присущи определенным, хотя и довольно значительным сегментам латиноамериканского общества. Они формировались в течение длительного периода

и породили на континенте особый комплекс идей и взглядов, который называли «теологией освобождения». Латинская Америка - один из самых мощных бастионов Римско-Католической Церкви, где католики составляют абсолютное большинство населения. Поэтому Церковь объективно не могла быть в стороне социально-политических и духовных процессов в этом регионе мира.

Латиноамериканские страны пережили десятки диктаторских режимов, которые возникали как надстройка над кланово-олигархическими системами, обрекали общества на нищету, бесправие и отсутствие социально-экономического развития. В Латинской Америке даже появился особый литературный жанр - «антидиктаторский роман». Ему отдали дань и нобелевский лауреат Габриэль Гарсиа Маркес в Колумбии («Сто лет одиночества» и «Осень патриарха»), и Пио Барроха в Парагвае («Я, Верховный»), и Карпентьер на Кубе, и Марио Варгас Льюса в Перу (также нобелевский лауреат), и Мигель Отеро Сильва в Венесуэле и другие.

Своих военных диктаторов латиноамериканцы называли «гориллами». Они приходили к власти обычно в результате военного переворота - *pronunciamiento*. К примеру, Боливия за менее чем 200 лет независимого существования пережила их более 180. Классический латиноамериканский *pronunciamiento* – это когда полковник или генерал Моралес выводит танки с военного городка и бросает вызов президенту Аморалесу (концентрированному выражению всех человеческих пороков с точки зрения общественности), захватывая президентский дворец, парламент, откуда выбрасывают депутатов-коррупционеров под одобрительные аплодисменты народа, а победив, произносит пламенные антикоррупционные речи и проклятие в адрес олигархических кланов. Всем обещают с понедельника начать новую жизнь и принципиально другую эру национального развития. Однако через некоторое время сами военные воспроизводят коррупцию и все прошлые грехи. Это опять же продолжается до следующего *pronunciamiento*, до следующего борца против коррупции и олигархов в генеральских или полковничьих погонах. Понятно, что же кланово-олигархическую систему (за исключением некоторых отдельно пострадавших) все это не разрушало. Как говорили французы о революции, «чем больше их происходило, тем больше все оставалось как раньше». Это было вечное

хождение по кругу в течение двух веков. События 1959 на Кубе породили иллюзию качественных принципиальных изменений, хотя это был шаг назад даже по сравнению с обычными латиноамериканскими странами, однако на осознание этого понадобилось полвека.

Римско-католические священники жили среди латиноамериканского общества, видели нищету, социальное бедствие и безнадежность. Видели также такую попытку изменить социальный рок, как *guerilla* – партизанская война против правящего режима. На все эти явления церковь должна была дать ответ, должна была иметь свою позицию. Вот тогда некоторые священники сделали первые попытки совместить истины раннего христианства с его революционным эгалитаризмом с марксизмом. Тогда довольно распространенным в Латинской Америке стал феномен красных епископов и кардиналов, которые с сочувствием относились к проповедникам социального равенства и агитаторов за демократию даже с сомнительным приложением «социалистическая» ...

Церковь в контексте «теологии освобождения» как толерантного выступления против господствующих слоев латиноамериканских обществ, в основном не собиралась что-то менять, будучи в целом довольной ситуацией. Иногда эта терпимость приобретала крайние формы, как в случае со священником из Колумбии Камило Торресом, который с оружием в руках погиб в составе партизанского отряда.

«Теология освобождения» – это попытка существенно изменить акценты в социальной доктрине Римско-Католической Церкви, реабилитировав силовой фактор в достижении социальной гармонии. «Теология освобождения» формировалась под значительным влиянием латиноамериканского варианта левого воинствующего марксизма. Бывший архиепископ Кракова Кароль Войтыла (впоследствии Папа Иоанн Павел II), который хорошо знал опыт коммунистической Польши и глубоко чувствовал опасность гибридизации христианства с марксизмом, публично осуждал «теологию освобождения», хотя всегда находились желающие как в коммунистической, так и в церковной среде поспекулировать на таких моментах в раннем христианстве и раннем марксизме.

Сторонники «теологии освобождения» весьма одобрительно относились к Кубе братьев Кастро с ее социальными программами и попытками кардинальных преобразований, игнорируя красный террор и отсутствие элементарных демократических прав. Сложился даже некий миф «революционной» Кубы как «маяка надежды» и образца для подражания для латиноамериканцев, а трагическая гибель в Боливии одного из лидеров Кубы Эрнесто Че Гевары была воспринята адептами «теологии освобождения» в чисто религиозном духе как «сакральная жертва» и как мученическая смерть за грехи латиноамериканцев и во имя их свободы.

Мог ли совсем не почувствовать всех этих воздействий, не реагировать на все эти обстоятельства латиноамериканский кардинал аргентинец Бергольо? Сейчас Папа Франциск ... К сожалению, нам не известны какие-то конкретные высказывания этого церковного деятеля о «теологию освобождения», и мы можем делать выводы, опираясь только на какие-то косвенные признаки. Несомненно, среди латиноамериканских партизан, в том числе и коммунистов, было немало смелых, героических и даже жертвенных фигур. Но коммунисты на нелегальном положении и коммунисты у власти – это разные коммунисты. На Кубе братьев Кастро власть вовсе не спешила «брататься» с церковью, несколько смягчив отношение к ней только после краха своего сюзерена – СССР, когда возникла необходимость найти источники материальной помощи, ничего принципиально внутри Кубы не меняя. Именно тогда братья Кастро начали осторожно заигрывать с Ватиканом [...]

Скорее всего, «теология освобождения» в условиях коммунистической диктатуры пошла бы путем деградации и перерождения. К счастью для латиноамериканцев, ранее деградировали коммунистические режимы на Кубе и в Никарагуа, а «теология освобождения» осталась для многих епископов и кардиналов Латинской Америки романтическими воспоминаниями молодости, детской болезнью, которая, однако, способна до сих пор как-то влиять на поступки и заявления иерархов, даже тех, кто занимает Святой престол в Риме [...] И все же почему Гавана, Куба? Почему именно такой выбор? Ведь можно было встретиться во вполне демократических и цивилизованных за латиноамериканскими стандартами странах, таких как Мексика, Доминиканская

Республика, Коста-Рика ... Как понимать этот месседж понтифика? Когда мы все-таки узнаем...

Источник: Лосев І. Теологія визволення і Папа Франциск/ Наскільки символічним є місце зустрічі Папи Франциска та Патріарха Кірілла / І. Лосев [Електронний ресурс]. – URL: <http://tyzhden.ua/Columns/50/162460> Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова. Печатается в сокращении.

**Возвращение совершенной диктатуры:
результаты выборов 2012 года в Мексике и ностальгия по
авторитарному режиму**

Автор анализирует возможные результаты президентских выборов в Мексике в 2012 году. Мексика принадлежит к числу динамично развивающихся стран, но государство сталкивается с многочисленными социальными и экономическими проблемами. Мексика в 20 веке столкнулась с угрозой политического авторитаризма. Проблемы способности Мексики преодолеть авторитарное наследие обсуждаются в статье.

Ключевые слова: Мексика, политические процессы, выборы, президент, политические партии

The author analyzes the possible outcomes of presidential elections in Mexico in the 2012. Mexico is one of dynamically developing countries, but the state face with numerous social and economic problems. Mexico in the 20th century faced with the threat of political authoritarianism. The problems of Mexico's ability to overcome authoritarian legacy are discussed in the article.

Keywords: Mexico, political processes, elections, president, political parties

Новым президентом Мексики после выборов 2012 года стал 45-летний Энрике Пенья Ньето, кандидат от Институционно-революционной партии (ИРП), которая управляла страной с 1929 по 2000 год и после 12 лет пребывания в оппозиции вернула лидерство в политической жизни страны.

1 июля 113-миллионную Мексику лихорадило всеобщими выборами. В 2012 году кроме нового главы государства выбирали 500 новых членов Палаты представителей Конгресса, 128 сенаторов, главу правительства (фактически - премьер-министра страны), шесть губернаторов штатов и 876 глав муниципалитетов. По оценке Федерального избирательного института Мексики, нынешние предвыборные гонки стали самыми масштабными за всю историю страны: в целом в них приняли участие около 80 млн человек, из которых 3500000 пришли на участки впервые. Новым президентом стал бывший губернатор штата Мехико 45-летний Энрике Пенья Ньето, кандидат от Институционно-революционной партии (ИРП), которая управляла страной с 1929 до 2000 и после 12 лет

пребывания в оппозиции смогла вернуть себе доминирующее положение в политической жизни Мексиканских Соединенных Штатов. Согласно официальным данным, Пенья Ньето набрал большинство голосов, примерно от 37,9% до 38,55%. Его ближайший соперник, представитель левых сил Андрес Мануэль Обрадор, который также является оппозиционным кандидатом, заручился поддержкой от 30,9% до 31,86% избирателей. Неудачей обернулись выборы для выдвиженки от правящей Партии национального действия (ПНД) Хосефины Васкес Мота, которая набрала около 25% голосов и заняла лишь третье место.

«Результативная демократия». Новоизбранный президент Мексики получил от своего предшественника, представителя Партии национального действия Фелипе Кальдерона, полномочия которого официально заканчивались в декабре 2012 года, страну, которая погрязла не только в кровавом противостоянии между военными и наркокартелями, но и в халатности, коррупции и злоупотреблении властью на всех уровнях. Мексика является тринадцатой по масштабам экономикой мира, но 33% ее населения находятся в нищете, а еще 10% - на грани физического выживания. На американском континенте это государство занимает одно из ведущих мест по показателю социального неравенства. До сих пор большинство промышленных мощностей находится там в руках считанных технократов, а вся экономика, от пищевой промышленности до масс-медиа, монополизирована.

События последних 12 лет показали, что ожидаемый мексиканцами приход к власти Партии национального действия, которая благодаря победе Висенте Фокса во время парламентских выборов 2000 неожиданно вырвалась на лидирующие позиции на внутренней политической арене, и надежды на реальные изменения себя не оправдали. К этому времени в Мексике не состоялось ни формирование гражданского общества, которое может эффективно влиять на внутреннюю политику, ни заметных сдвигов в сторону демократизации. По окончании эры гегемонии ИРП ни Фоксу, ни Кальдерону не удалось найти демократических механизмов для удержания своей власти и законности в стране. Это в большой степени является определяющим фактором в вопросе, почему до сих пор после шести лет войны с наркомафией власть не смогла преодолеть мексиканские картели и минимизировать

нелегальный трафик оружия и наркотиков из Латинской Америки в США.

Очевидно, что второй срок, который ПНД принес в 2006 году Фелипе Кальдерон, был не чем иным, как еще одной попыткой провести демократические сдвиги в Мексике. И хотя до сих пор предполагают, что именно его усилия помогли стране не превратиться в рай для наркоторговцев, он будет едва ли не первым в ее истории президентом, на счету которого 55 тысяч жизней сограждан. Такая ситуация, вероятно, привела к поражению ПНД на выборах 2012 года и победе кандидата от ИРП Энрике Пенья Ньето, который пообещал мексиканцам внедрить программу так называемой результативной демократии, в частности повысить экономический рост до 6% в год, либерализовать рынок труда, создать дополнительные рабочие места и умерить пламя начатой Кальдероном войны с наркокартелями. Также программа реформ Ньето включает в себя рост объема частных инвестиций и частичное снятие государственной монополии на добычу нефти.

Корпоративная система. В течение 70 лет (до поражения 2000 года на президентских выборах) ИРП была символом однопартийной автократической политической системы. Несмотря на то что Конституция государства по модели США закрепляет разделение властей на федеральном уровне, мексиканский президент фактически сосредоточивает в своих руках всю полноту власти. В течение десятилетий избранные от ИРП президенты единолично назначали и устраняли сенаторов, губернаторов и судей высшей инстанции, часто были задействованы в фальсификации выборов и незаконных назначениях на высшие государственные должности. В стране действовала система *dedazo*, когда президент называл своего преемника после личного отбора, практически так же, как это происходило в путинской России.

Абсолютная власть мексиканского гаранта опиралась на корпоративную политическую партийную систему, а та, в свою очередь, в полицию, рабочие профсоюзы и аграрные организации, подконтрольные лично ему. С тех пор как телевидение было фактически монополизировано государством, другие медиа, в частности бумажные, наделены большей независимостью. Контроль за государственными делами был осуществляем благодаря вертикали национальных, региональных и местных боссов, которые следили за ситуацией

вокруг наемных рабочих и связанных с режимом провластными крупными землевладельцами, влияние которых распространялось на крестьян.

Федеральная система государственного устройства Мексики на бумаге четко проводит границу между властными полномочиями федерального и общегосударственного уровня. Однако фактически законодательные органы штатов контролировало официальное Мехико, и они были не более чем отражением политики центра. Многолетняя однопартийная корпоративная система ИРП выдержала испытание временем по одной простой причине: централизация власти в одних руках обеспечила Мексике определенную стабильность на фоне революций и путчей в большинстве других стран Латинской Америки.

Будут ли перемены? Нобелевский лауреат перуанец Марио Варгас Льюса в свое время назвал ИРП «совершенной диктатурой» за ее способность контролировать общественную жизнь без применения грубых практик военных хунт, однако обеспечение мнимого мира и стабильности не снимают с партии ярлыков коррумпированной и авторитарной. Новый мексиканский президент, избранный в 2012 году, был должен доказать, что политическая сила, которую он представляет, после 12 лет в оппозиции переосмыслила свои традиционные властные модели и демократизировалась не только на уровне устных заявлений лидеров. ИРП должна была показать, что она уже не та, которая кроваво подавила выступление продемократической студенческой молодежи на площади Тлателолько в 1968 году, не та, которая в 1982 году по президентской прихоти национализировала банки и не та, которая в 1988 году сфальсифицировала результаты выборов, но в 2012 году оставалось под большим вопросом, способна ли ИРП нового поколения, которую представляет недавно избранный Пенья Ньето, вывести Мексику из социального и экономического коллапса, модернизировать и демократизировать страну...

Источник: Трегуб Г. Повернення досконалої диктатури: результати виборів у Мексиці засвідчують ностальгію за авторитарним режимом / Г. Трегуб // Український тиждень. – 2012. – 6 липня [Електронний ресурс]. – URL: <http://tyzhden.ua/World/54675>. Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

М.В. Курчанов

Три неудобных вопроса современной российской латиноамериканистики: попытка беспристрастного ответа (чужие повороты, чужие классики и особый путь отечественной латиноамериканистики)

Автор анализирует проблемы развития латиноамериканистики. Автор полагает, современная российская латиноамериканистика пребывает в состоянии теоретического и методологического кризиса. Автор анализирует перечень идеологически маркированных тем, которые доминировали в советской латиноамериканистики. Особое внимание уделено проблемам достижений и успехов бразильской историографии, которые игнорируются российскими латиноамериканистами.

Ключевые слова: латиноамериканистика, историография, методология, бразильская историография

The author analyzes the problems of Latin American Studies development. The author believes that contemporary Latin American Studies in Russia are in a state of theoretical and methodological crisis. The author analyzes range of ideologically marked themes that dominated in the Soviet Latin American Studies. The particular attention is paid to the problems of the achievements and successes of Brazilian historiography, which are ignored by Russian Latin American Studies.

Keywords: Latin American Studies, historiography, methodology, Brazilian historiography

Постановка проблемы. Утверждения о том, что современная российская латиноамериканистика пребывает в кризисе и соответственно переживает не самые лучшие времена в своей истории успели стать общим местом в более ранних публикациях автора, что вызвало ответную реакцию со стороны московского институционализированного и формализованного научного сообщества латиноамериканистов, но реакцию в значительной степени постсоветскую или неосоветскую и, поэтому, неадекватную, оформленную в донос,

который спустя некоторое время и был опубликован автором, признающим, что этот шаг можно расценивать как нарушение профессионально-этических норм, если таковые и существуют среди отечественных латиноамериканистов. Этот текст позиционируется как продолжение более ранних работ Автора [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], в которых поднимались теоретические и методологические проблемы развития российской латиноамериканистики.

Стимулы внешней среды. В качестве стимулов к написанию статьи послужило несколько факторов, а именно: во-первых, позиция руководства ИЛА РАН и Редакционной коллегии журнала «Латинская Америка», основанная на изоляционизме и органически присущей неспособности принимать новые интерпретации, предпочитая воспринимать их с идеологически выверенных позиций как покушение на академическую гегемонию ИЛА РАН; во-вторых, значительный прогресс западной латиноамериканистики за последние 25 лет и хронологически совпавший с ним упадок и регресс, снижение общего научного, теоретического и методологического уровня современной российской латиноамериканистики; в-третьих, современные гуманитарные и междисциплинарные штудии в постсоветской России демонстрировали определенные успехи и прогресс в деле приобщения к классическим и новейшим западным теоретическим подходом и их трансплантации в отечественный научный контекст. Последнее успело стать объектом, как дискуссии, так и переосмысления со стороны отечественных историков и теоретиков гуманитарного знания.

Интеллектуальные стимулы. В 2011 году вышла теоретическая статья И. Савельевой, ставшая попыткой осмысления того пути, который прошла историческая наука в начале 21 столетия. Казалось бы, этот текст не имеет никакого отношения к латиноамериканистике. Он и не имел бы, если латиноамериканистика в России была религиозной сектой, а ее развитие определялось бы иррациональными религиозными течениями, но латиноамериканистика в РФ формально все-таки является наукой и, поэтому, выводы и предположения И. Савельевой о направлениях и траекториях, закономерностях и перспективах развития исторических исследований формально применимы к современной российской латиноамериканистике.

Интеллектуальные трансплантаты: из всеобщей истории в латиноамериканистику. И. Савельева в своей

статье ставит три принципиально важных для исторической науки методологических и теоретических вопроса, которые обсуждались в медиевистике, востоковедении, новистике и других областях исторического знания, но, как ни странно, оказались полностью проигнорированы современными российскими латиноамериканистами. Эти вопросы следующие:

- Что историки могли объяснить 15 лет назад?
- Что историки могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 15 лет назад?
- Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 15 лет?

Эти вопросы могут быть заданы и современному российскому сообществу латиноамериканистов, но в несколько иной версии, с более расширенным хронологическим горизонтом:

- Что латиноамериканисты могли объяснить 25 лет назад?
- Что они могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 25 лет назад?
- Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 55 лет?

Интеллектуальные коррекции историографических трансплантатов. Перенос и трансплантируя вопросы, сформулированные И. Савельевой, в современный российский латиноамериканистский контекст, Автор счел необходимым, с одной стороны, расширить хронологический горизонт с 15 до 25 лет, и, с другой, в значительной степени отодвинуть границы интересующих нас культурных и исторических теорий и влияний с 25 до 55 лет, что мотивировано спецификой развития латиноамериканистики, ее склонностью к изоляции, крайней осторожностью в принятии новых теорий и концептов, трепетным отношением к исторической классике, которое граничит к его почти сакрализацией и мифологизацией, что крайне негативно отражается на общих тенденциях в развитии латиноамериканистики в России.

Вопросы второго порядка, которые не менее важны. В статье И. Савельевой сформулированы три дискуссионные проблемы, которые, как может показаться, не столь важны для всеобщей истории в современной России потому, что большинство представителей научного сообщества в той или

иной мере признают важность междисциплинарности, «корпуса новой классики» и методологической рефлексии, но то, что признаваемо одними историками, может не только отрицаться латиноамериканистами, но эти принципы, как правило, в рамках современного российского латиноамериканистского сообщества не только не признаются, но и отрицаются.

Современная продукция, которая выходит из-под пера российских латиноамериканистов или оказывается опубликованной на страницах журнала «Латинская Америка», свидетельствует о том, что ни междисциплинарность, ни методологическая рефлексия не заняли своего места в теоретическом арсенале значительной части российского латиноамериканистского сообщества. Что касается «корпуса новой классики», то о нем и вовсе в латиноамериканистском контексте не имеет смысла писать, так как условная «старая классика» почти полностью отторгается и не воспринимается.

Цель и задачи. Исходя из описанной выше общей историографической ситуации в контексте развития российской современной латиноамериканистики, целью статьи является анализ основных проблем теоретического свойства в функционировании российской латиноамериканистики на современном этапе. Задачи этой статьи в значительной степени пересекаются с теми вопросами, которые были сформулированы выше, а именно – изучение стартовых условий (Что латиноамериканисты могли объяснить 25 лет назад?), анализ современной методологической и теоретической ситуации (Что латиноамериканисты могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 25 лет назад?), изучение теоретических оснований латиноамериканистики в контексте историографической классики (Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 55 лет?).

Что латиноамериканисты (не) могли объяснить 25 лет назад? 25 лет назад, накануне распада СССР и исчезновения некогда единой и мощной советской исторической науки, латиноамериканисты, которые тогда были советскими, при всей формальной мощи и значимости советской латиноамериканистики, могли объяснить не так много, как могло бы показаться. Это было следствием ряда особенностей советской латиноамериканистики, которые определяли ее

характер, особенности, специфику и основные векторы развития.

Советская латиноамериканистика имела ряд особенностей, а именно: идеологизированность, политизированность, мифологизированность, неравномерность. Эти особенности вполне могут быть определены термином «концептуальные изъяны историографии» [19, С. 343], предложенным Д. Усмановой. Советская латиноамериканистика на протяжении всей ее истории была идеологически выверенной формой гуманитарного знания и, поэтому, советские латиноамериканисты выполняли сервилистские функции в отношении режима и власти, удовлетворяя и обслуживая их идеологические потребности. По мнению Райнера Линднера, «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике» [14, С. 114], и советская латиноамериканистика не была исключением из этой универсальной логики развития исторической науки. Идеологизированность советской латиноамериканистики скрывалось за необходимыми атрибутами, представленными необходимостью цитировать одних классиков, запретом на цитирование других и постоянными парадными и идеологически выверенными сентенциями и речениями, без которых не могло обойтись ни одно исследование, посвященной латиноамериканской проблематике.

Каждая политическая система, как полагает белорусский исследователь А. Казакевич, «определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [15, С. 44]. Исключением из этой логики не была и советская латиноамериканистика. Латиноамериканистика в советский период была политизированной наукой сравнимой по степени политизации только с «Историей СССР». Применение истории не ограничивается изучением только прошлого [105] – в советской латиноамериканистике исторические штудии были подчинены принципам сервилизма, что существенно повлияло на политизацию историографии. Политизация стала неизбежным следствием идеологического характера советской латиноамериканистики и ее сервилистских устремлений. Изучение практически все проблематики, связанной с Латинской Америкой, в СССР было политизированным потому,

что регион воспринимался как сфера идеологического противостояния в США. Поэтому, советский историк, в том числе и латиноамериканист, «всегда готов был дать отпор буржуазным фальсификаторам» [18]. Многие центральные для советской латиноамериканистики темы и большие направления были политически мотивированы, маркированы и санкционированы. Эта санкционированность определяла диапазон возможных оценок, который был строго и жестко ограничен.

Американский историк Джонатан Фридмэн полагает, что «объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа» [59, Р. 41]. Поэтому, некоторые исторические явления могли оцениваться только положительно, а другие – сугубо негативно и отрицательно. Подобные государственные и идеологические манипуляции с латиноамериканистикой содействовали ее мифологизации. Американский историк Джонатан Фридмэн полагает, что «история – конструкция в значительной степени мифическая» [59, Р. 43]. Советская латиноамериканистика активно использовала мифологическую компоненту исторического знания. Для советской латиноамериканистики было характерно несколько больших мифов, которые поддерживались и развивались советскими латиноамериканистами только от того, что они были лишены интеллектуального выбора свободной интерпретации. Первым политическим и идеологическим мифом советской латиноамериканистики был, конечно же, революционный миф, основанный на развитии «больших нарративов» о Кубинской революции, как справедливой, правильной, прогрессивной и победной и Чилийской революции как революции идеологически верной, но потопленной в крови генералом Аугусто Пиночетом. Вторым столь же политически ангажированным мифом советской латиноамериканистики был миф об особой исторической роли рабочего класса и связанных с ним в воображении ортодоксальных советских латиноамериканистов коммунистических или социалистических партий.

Советские латиноамериканисты в этом контексте были сродни среднеазиатским историкам и, в целом, справлялись с поставленными перед ними задачами и они, как добросовестные мифотворцы, находили борющийся рабочий

класс даже в тех странах, где социальная структура населения исключала его существование. По мнению ряда авторов, «до распада СССР не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [14, С. 118]. В этом контексте существовали и проблемы, изучение которых было нежелательно со стороны советских латиноамериканистов. Нежелательным для изучения признавалось всё, что не соотносилось с официальной коммунистической доктриной и, тем более, вступало с ней в противоречие. В подобной ситуации целый пласт проблем сознательно, в угоду идеологии и политически сервилистским функциям игнорировался в советской латиноамериканистике.

Поэтому, в советской латиноамериканистике существовала целая система формальных и неформальных запретов и ограничений. Для нее, как и для всей исторической науки в целом, был «характерен цитатно-иллюстративный способ подачи материала» [16], что вынуждало латиноамериканистов «подгонять» факты и процессы под идеологически выверенные концепции, то есть проявлять как идентичность, так и лояльность режиму. По мнению Дж. Фридмэна, «история историков является и их идентичностью» [59, Р. 52]. Поэтому, советские латиноамериканисты не только осваивали и принимали идеологически выверенные и мотивированные запреты и ограничения, но и добровольно транслировали их через свои тексты. Например, было нельзя изучать правые и фашистские движения в странах Латинской Америки – их можно было только критиковать с идеологически выверенных позиций, цитируя желательного первоисточника, а выступление вождя местной коммунистической партии. Нежелательной с идеологической и политической точки зрения для советской латиноамериканистики была тема модернизации латиноамериканских обществ, которая активно протекала на протяжении 20 века. Сама теория модернизации вызывала у советских латиноамериканистов устойчивое отторжение и приступы активизации классового самосознания, что было естественно и неизбежно, если принять во внимание роль и масштабы распространения и влияния в советской латиноамериканистике революционного мифа. Теория модернизации отторгалась советскими латиноамериканистами, так как она опровергала столь активно культивируемые и

развиваемые ими нарративы о неизбежности революции и универсальности революционного процесса.

Современные молдавские историки А. Куско и В. Таки полагают, что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний» [13, С. 485]. Это универсальное правило работало и в советской латиноамериканистики, ранжируя темы исследований на идеологически верные и дозволительные и идеологически чуждые, то есть фактически невозможные для изучения. Среди нежелательных для изучения тем оказался и уникальный имперский политический и исторический опыт Бразильской Империи, который, с одной стороны, не вписывался в тщательно и активно культивируемый республиканский миф, а, с другой, отторгался советскими латиноамериканистами в силу искусственно привитой классовой ненависти к империям, что проистекало от крайне негативных отношений к имперскому опыту из досоветской истории.

В советский период «коллективные памяти... были поставленные под контроль и управление» [3, С. 29] и поэтому, в рамках советской латиноамериканистики, совершенно нежелательной и абсолютно запрещенной была тема, связанная с историей русских общин в странах Латинской Америки, которые в советском историческом воображении устойчиво ассоциировались с антисоветской эмиграцией, что делало возможными только и исключительно негативные и отрицательные оценки.

Кроме этого, анализируя общее состояние советской латиноамериканистики накануне распада СССР, во внимание следует принимать неравномерность ее развития и ограниченный потенциал. Негативная тенденция направлять значительные интеллектуальные ресурсы на изучение идеологически и политически значимых тем привело к существенным тематическим диспропорциям в развитии советской латиноамериканистики. На фоне многочисленных идеологически выверенных и излишне политизированных работ о революции, революционной борьбе и рабочем движении в советской латиноамериканистики существовали провалы, связанные с изучением отдельных стран и исторических периодов.

В советский период не было завершено издание многотомной «Истории стран Латинской Америки» и «Истории

литератур Латинской Америки». Страны региона были изучены неравномерно, истории государств Латинской Америки отсутствовали, некоторые регионы и периоды и вовсе были изучены поверхностно и незначительно. В целом, сам механизм объяснения мира советскими латиноамериканистами носил политически выверенный и идеологически санкционированный характер. Это стимулировало сервилистский характер латиноамериканистики, когда любое утверждение можно было прикрыть и подкрепить цитатой из сочинений классиков марксизма-ленинизма.

Советская латиноамериканистика была частью советской науки, где «была создана достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией» [20, С. 20] и, если латиноамериканистика «была частью советского интеллектуального сообщества», то ей, были «в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора» [19, С. 351]. Поэтому, для нее были характерны все родовые травмы последней, включая крайнюю политизацию историографии, монополизацию историографического производства, высокую степень политизации исторических дебатов [13, С. 485, 491, 492]. Эти факторы привели к тому, что советская латиноамериканистика оказалась чрезвычайно зависимой от идеологической ситуации. Поэтому, критика советской исторической науки в целом применима и к латиноамериканистике: «провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого» [19, С. 350 – 351] существенным образом влияли на основные векторы развития советской латиноамериканистики, которая развивалась и функционировала в черно-белой системе координат, став фактически частью коммунистического учения. Поэтому латиноамериканисты в СССР, в отличие от зарубежных интеллектуалов, не расшифровывали политические, социальные и культурные миры и пространства, но просто, последовательно и решительно объясняли их в соответствии с той идеологией, которую разделяли.

Что латиноамериканисты могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 25 лет назад? Распад СССР привел к значительным изменениям в развитии

исторических исследований. По мнению ряда авторов, подобные периоды не только могут актуализировать кризисные тенденции в функционировании ранее политизированных и идеологизированных науки, но и стимулировать «пересмотр прошлого, который произошел после краха коммунизма, частично от того, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в "режиме забывания"» [3, С. 29]. Казалось бы, что 25 лет, которые прошли после распада СССР и исчезновения с карты мировой науки советской латиноамериканистики, могли привести к радикальным изменениям в отечественной латиноамериканистики, выведя ее из искусственного режима забывания и намеренного игнорирования широкого числа тем. Опыт развития исторических исследований в других областях гуманитарного знания свидетельствует о значительном прогрессе и было бы уместно предположить, что аналогичные процессы могли иметь место и в российской латиноамериканистике.

Если в целом для исторической науки и других гуманитарных исследований «крах коммунизма представлял собой также дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [3, С. 29], то в латиноамериканистских штудиях таких позитивных изменений не произошло, что было связано с особенностями развития и функционирования отечественной латиноамериканистики в постсоветский период. Это стало следствием того, что латиноамериканистика развивалась в идеологически выверенной системе координат, а формальные институты типа ИЛА РАН, созданные еще в советский период, продолжали существовать инерционно, предпочитая не замечать и игнорировать изменения, которые имели место в рамках гуманитарных наук в целом. Беларуский философ Валянцин Акудович, комментируя современные трансформации гуманитарных наук, указывает на то, что «история могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет» [15, С. 47], но формальные лидеры российской латиноамериканистике в лице руководства ИЛА РАН предпочли этого просто не замечать, полагая, что они, как и в советский период, обладают сакральным правом определять идеологическую истину,

выявлять отклонения от ортодоксального стиля мышления и карать отступников.

В этом контексте современная российская латиноамериканистика оказалась почти не подверженной трансформациям и новациям. Украинский историк Ярослав Грыцак полагает, что «после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [71], но российские латиноамериканисты фактически оказались из этого процесса исключены. По мнению Р. Линднера, «только в исключительных случаях историки вновь будут учиться своему ремеслу» [14, С. 116]. Кроме этого Р. Линднер полагает, что «постсоветские интеллигенции столкнулись с кризисом написания истории» [82, Р. 631]. Этот кризис был настолько всеобщим, что охватил те сферы исторического знания, которые формально не были ответственны за формирование идентичности. Тем не менее, кризисные тенденции были столь велики, что постсоветская латиноамериканистика оказалась не в состоянии выработать новый модус написаний истории изучаемых стран, который в той или степени претендовал бы на универсальность.

Если рассматривать постсоветскую латиноамериканистику, то распад СССР не стал для нее чем-то значительным в том смысле, что она практически не изменилась в теоретическом и методологическом отношении. Британский историк Р. Камерфорд полагает, что «живучие исторические стереотипы нелегко сломать» [4, С. 165]. Отечественная латиноамериканистика после распада СССР фактически без особых изменений не только сохранила свою организационную структуру, но и набор мифов и идеологем, в которые должен верить российский латиноамериканист, если он относит себя институционализированному в форме ИЛА РАН сообществу. Формально ведущей научной институцией в сфере латиноамериканистики остался ИЛА РАН. Что касается научной периодики, то до середины 2000-х годов журнал «Латинская Америка», издаваемый тем же ИЛА РАН, фактически оставался единственным специализированным изданием, сфокусированным на латиноамериканистской проблематике.

В 1990-е годы российская латиноамериканистика столкнулась с многочисленными проблемами, которые были общими для российской науки, но латиноамериканистика в РФ не смогла приспособиться к новым условиям, которые

диктовались рынком, в том числе – и рынком образовательных услуг. В то время, как другие междисциплинарные и регионально специализированные области науки, включая востоковедение, американистику, европеистику смогли трансформироваться и интегрироваться в рынок образовательных услуг, став сначала специальностями, а потом программами бакалаврской и магистерской подготовки, то российская постсоветская латиноамериканистика не пережила ничего подобного.

Это имело самые негативные последствия для функционирования российской латиноамериканистики, которая на современном этапе сталкивается со значительными кадровыми проблемами и почти полным отсутствием специалистов среднего возраста и молодых кадров. Эти в целом негативные условия развития российской латиноамериканистики и предопределили ситуацию, связанную с тем, что именно современные латиноамериканисты могут или не могут объяснить спустя 25 лет после распада СССР и исчезновения советской латиноамериканистики. Формально следовало предположить, что современные латиноамериканисты могут объяснить то, что ранее было запрещено для изучения.

Современные отечественные латиноамериканисты с формальной точки зрения пытались объяснить как процессы модернизации, так и историю русских общин в Латинской Америке, но насколько и в какой мере им удалось это сделать? Радикального методологического и теоретического прорыва и прогресса в этих областях современной латиноамериканистики не произошло, что стало следствием ее в целом инерционного развития. На протяжении 1990 – 2010-х годов российскими латиноамериканистами было издано несколько работ, посвященных процессам социальной, экономической и политической модернизации стран Латинской Америки, но эта проблематика описывалась и анализировалась исключительно в политологическом контексте, в рамках теории модернизации.

Кроме этого проблемы модернизации в отечественной латиноамериканистике нередко анализировались исключительно в контексте перехода от авторитаризма к демократии, то есть постсоветские латиноамериканисты предпочитали изучать и описывать только один из частных многочисленных случаев модернизации, что привело к

исключению из числа изучаемых проблем вопросом модернизации в рамках авторитарных политических режимов. Что касается проблем истории русских сообществ в Латинской Америке, то эта тема стала свободной для изучения в 1990-е годы, но стартовые условия развития российской постсоветской латиноамериканистики не содействовали поведению качественно новых методологических и теоретических подходов для изучения истории русских групп, которые проживали на территории южноамериканских государств.

Проблемы истории русских в Латинской Америке изучались в традиционном неопозитивистском контексте, а история, которая возникала в результате подобных штудий, была фактически очень архаичной и традиционной, оставаясь почти исключительно событийной. Что касается истории империй и истории правого политического опыта в Латинской Америке, то эти проблемы также не получили должного внимания в постсоветской латиноамериканистики, изучаясь только на ее периферии. Вероятно, в современной российской латиноамериканистике нет условий и оснований для изучения имперского политического опыта в Южной Америке в контексте истории Бразильской Империи в силу того, что латиноамериканистика развивается изолировано, не устанавливает связи с другими областями гуманитарного знания, опасается и остерегается их, пресекая попытки применения междисциплинарного подхода.

Поэтому, публикаций об историческом опыте империй и империализма в Южной Америке в современной российской латиноамериканистике не так много, а они сознательно маргинализируются представителями московского латиноамериканистского сообщества. Аналогичные тенденции характерны и для изучения правого политического феномена в новейшей истории стран Латинской Америки, условия для чего в современной латиноамериканистике почти полностью отсутствуют, что стало следствием ее значительной политизации и идеологизации, склонности журнала «Латинская Америка» проводить политику цензуры, игнорируя и не попуская критически статьи, но охотно наполняя страницы журнала публикациями, посвященными преимущественно левым, которые идеализируют их в позитивном плане.

Это стало следствием инерционной модели развития российской современной латиноамериканистики, ее

органической изолированности и неспособности освободиться от унаследованных от советского периода политических клише и идеологических штампов. Поэтому, в постсоветской российской латиноамериканистике не произошло и в принципе не могло произойти того, что канадский историк Зенон Евген Когут определил как «концептуальный прорыв» и «создание интеллектуального пространства» [12, С. 221 – 220]. Таким образом, общие тенденции, которые определяют развитие современной российской латиноамериканистики, могут быть определены как негативные.

В подобной ситуации возникает закономерный и логический вопрос: Чем занимается современная российская латиноамериканистика, если на протяжении ее современной двадцатипятилетней истории не произошло никаких радикальных изменений и трансформаций?, или мы можем сформулировать этот пространственный вопрос более сжато и кратко: Что формирует и определяет исследовательскую программу современной российской латиноамериканистики?

Современная российская латиноамериканистика почувствовала себя очень нужной правящему режиму и властным элитам. Эта иллюзия «нужности» и необходимости актуализирует сервилистские функции современной российской латиноамериканистики, что значительно ослабляет ее потенциал, заставляя заниматься конъюнктурными проектами в ущерб фундаментальным студиям, основанных на предшествующих достижениях и междисциплинарном синтезе.

Сравнивая современный журнал «Латинская Америка» с его советским предшественником, очевидным становится снижение и падение общего академического уровня публикаций. Конечно, журнал советского периода был подвергнут значительной идеологизации и политизации, но статьи, посвященные социальным и экономическим проблемам, которые публиковались в советское время по своему методологическому и теоретическому уровню были выше современных публикаций, представленными преимущественно проходными и псевдоактуальными текстами, посвященными экономике, экономической и политической интеграции, двусторонним и многосторонним отношениям.

Стремление публиковать формально актуальные и прикладные публикации существенно отразилось на качестве научной продукции, которая представлена на страницах

«Латинской Америки». Подобная редакционная политика не только привела к общему снижению качества публикаций современных российских латиноамериканистов, которые сотрудничают с «Латинской Америкой». Она актуализирует и обнажает другую, более важную проблему, связанную с изоляционизмом и сознательным игнорированием историографической классики, как «старой», так и «новой».

Что из того нового, что латиноамериканисты могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 55 лет? Среди самых неприятных впечатлений от современной российской латиноамериканистики – это изоляционизм и неуважение историографической классики, что совершенно естественно и неизбежно, если позиционировать свою науку как исключительно прикладную и ориентированную на решение актуальных задач российской политики и экономики в регионе Латинской Америки. На протяжении 25 лет на Западе и в Латинской Америке вышло немало оригинальных, интересных и чрезвычайно продуктивных в контексте теории и методологии работ, которые, к сожалению, как правило, были проигнорированы отечественной латиноамериканистикой, но проблема состоит не только в игнорировании работ этого относительно новейшего периода. В силу идеологических причин значительная часть оригинальных работ не могла быть понята латиноамериканистами и советского времени. Поэтому, в такой ситуации уместно констатировать проблему проигнорированной «старой» и «новой» классики последних 55 лет. Для любой другой сферы исторической науки или междисциплинарных гуманитарных штудий 55 лет станет временем смены нескольких парадигм и взаимоисключающих подходов. Для современной же российской латиноамериканистике экстраполяция в 55 лет представляется весьма уместной.

Проблемы определения и ранжирования историографии представляются чрезвычайно трудными. Российский историк Ирина Савельева полагает, что «для каждого периода развития социально-гуманитарного знания существует некий набор авторов, из работ которых ученые-гуманитарии черпают идеи, методы, цитаты, в крайнем случае – просто ссылаются на имена. Это свидетельство и проявление междисциплинарного характера современных наук о человеке. Однако в

историографии к концу прошлого века сложилась ситуация доминирования, условно говоря, «чужих» классиков. Значение концепций и моделей, почерпнутых из практически всех социальных и гуманитарных наук, в небывалой степени возросло, сведя почти на нет роль собственно исторических теорий» [17].

Что касается латиноамериканистики, то попытки формирования шорт-листа, обязательного для прочтения, в этой сфере гуманитарного знания почти не предпринимались и, поэтому, дальнейшие попытки выделить классические тексты и ранжировать их будут носить крайне субъективный характер. Конечно, можно предположить, что существовал условный и воображаемый «первый эшелон» классики, представленный текстами Р. Шартье [43; 44; 45; 46; 93], Ж. Ле Гоффа, П. Нора [81], К. Гинзбурга [65], П. Бёрка [35; 36; 37; 38], Ж. Дюби [53], М. Фуко [56], М. Хольбвакса [66], Ю. Кристевой [72], Б. Андерсона [26; 27; 28], Э. Гидденса [63; 64], З. Баумана [31], Э. Хобсбаума [67; 68; 69; 70], Э. Геллнера [61; 62], Э. Смита [101; 102]: тогда тексты латиноамериканских авторов неизбежно окажутся в не менее воображаемом и условном «втором эшелоне» классики, но этот прицепной вагон латиноамериканской историографической новой классики к поезду западной историографической традиции окажется более чем разнообразным и оригинальным.

К сожалению, условные и воображаемые пассажиры этого историографического поезда среди российских латиноамериканистов остаются крайне неизвестными, а их работы – малоцитируемыми. В подобной ситуации возникает вопрос: Что пропустила или чего лишила себя российская латиноамериканистика в своей склонности к изоляционизму?

Во-первых, российская латиноамериканистика предпочла не заметить, что в регионе ее академического интереса и изучения сложилась уникальная, но при этом интегрированная в западный канон исторического знания и воображения, методология и теория истории [1; 2], основанная на синтезе идей марксизма и французской «школы “Анналов”». Вероятно, это самое существенное упущение российской латиноамериканистики, историческая часть которой развивается на периферии современного исторического знания.

Во-вторых, российской латиноамериканистикой были проигнорированы несколько концептуальных поворотов в

развитии латиноамериканских историографий, которые сопровождались сменой парадигм и ревизией общих траекторий развития исторической науки.

Вероятно, самым первым поворотом в истории современных гуманитарных наук в Бразилии стал социальный поворот. Начало социального поворота в бразильской историографии датировать крайне сложно, а первые его тенденции стали очевидны уже в первой половине 20 века, что было связано с текстами Азеведу Амарала [22; 23; 24; 25] и Жилберту Фрейри [57; 58], который в значительной степени повлиял на основные траектории в развитии бразильских гуманитарных наук. В 1970 – 1980-е годы основным теоретиком социального поворота в бразильской историографии был Симон Шварцман [99; 100], который синтезировал в своих текстах достижения экономической, социальной и политической истории с теоретическими и концептуальными размышлениями относительно экономических и политических процессов.

«Старая классика» стала мощным стимулом для развития бразильской историографии. Комментируя общие тенденции развития исторического знания, И. Савельева подчеркивает, что «если же обратиться к конкретным направлениям из сложившихся ранее, то можно увидеть, что продолжается экспансия культурной истории (особенно энергично в сфере визуальных исследований), активно развиваются микроистория, локальная история, историческая антропология, история массовых представлений и “исторической памяти”, гендерная и женская тематика. Заметно изменилась история науки и образования. В целом историки за последние годы узнали много нового, радикально переосмыслили уже известную информацию – масштаб сделанного поражает» [17]. Эта оценка представляется вполне применимой для понимания масштабов тех теоретических и методологических перемен и изменений, которые во второй половине 20 – начале 21 века произошли в бразильской историографии.

В целом, во второй половине 1980-х годов в бразильской историографии [47; 48; 49] наметился крен в направлении социальной истории. Социальный поворот в бразильской историографии, вероятно, был в наибольшей степени пролонгированным в отличие от других более поздних подобных историографических явлений. Историческое значение социального поворота проявилось в том, что историки, ставшие

его участниками и теоретиками, содействовали первому радикальному обновлению исторической науки, которая благодаря их активности стала более междисциплинарной, синтетической в результате разрушения замкнутости и сознательного отказа от узких специализаций.

Именно социальный поворот сделал возможным в бразильской историографии другие «повороты», включая культурный [42; 43; 83; 92], интеллектуальный, инвенционистский, националистический и имперский. Эти повороты, в отличие от социального, сложно локализовать в хронологическом плане в истории бразильской исторической науки потому, что элементы каждого из них в той или иной степени были характерны для развития бразильской историографии, начиная с 1980-х годов. В результате каждого из этих поворотов бразильская историческая наука становилась все более междисциплинарной, интегрируя в себя подходы и методы из смежных наук – культурологи, политологии, социологии и экономики.

Культурный поворот содействовал актуализации в бразильском контексте европейского, преимущественно – французского, историографического опыта. Интеллектуальный поворот в бразильской историографии [29; 30; 50; 54; 84] стал прямым следствием культурного поворота, актуализировав интерес к истории идей и интеллектуальной истории, содействуя модернистскому и постмодернистскому переосмыслению классического наследия бразильской историографии. Примечательно и то, что хронологически интеллектуальный поворот совпал с инвенционистским, националистическим и имперским, что актуализировало его междисциплинарный характер. Националистический поворот в бразильской историографии [41; 51; 52; 60; 85; 86; 87; 95] имел теоретические и методологические основания представленные англоязычной историографией национализма. Кроме этого националистический поворот актуализировал те тренды в исторической науке, которые были связаны с изучением социальных, экономических и политических процессов и институтов в рамках модернистской парадигмы.

В этом контексте очевидна связь националистического поворота с другими школами, включая классический марксизм и теорию модернизации, которую можно воспринимать как производную от первого. Западные историки, которые стояли у

истоков националистического поворота, также вдохновили и инвенционистский поворот потому, что отказались воспринимать нацию как нечто неизбежное, но прочитывали ее как конструкт, явление временное воображаемое и изобретаемое. После того как нация была воспринята как социальный конструкт, другие исторические явления без репутационных потерь могли прочитываться историками в аналогичной системе координат. Инвенционистский или имажинативный поворот [25; 55; 86; 73 – 80] оказался одним из самых продуктивных историографических поворотов, так как синтезировал методы различных гуманитарных наук, содействуя фрагментации истории, ее дроблению от истории науки до истории повседневности, от женской истории до истории наций и национализма, от истории знания до интеллектуальной истории.

В рамках инвенционистского поворота были предприняты попытки развить достижения социального поворота в конструктивистском контексте: история начала восприниматься как совокупность социальных, культурных и интеллектуальных конструктов, окончательно став формой междисциплинарного знания. Без инвенционистского поворота с его склонностью к изобретению и воображению прошлого, вероятно, не мог состояться имперский переворот [21, 30, 33, 88; 89] в бразильской историографии или его масштабы и последствия были бы более скромными. Инвенционистский поворот вычленил империю из контекста истории, вообразив и изобретая ее как особую форму идентичности. В рамках имперского поворота империя стала таким же полноправным актором истории как ее исторические соперники и конкуренты, представленные нацией и нацией-государством. Имперский поворот в теоретическом и методологическом плане имеет много общего с инвенционистским потому, что склонен воображать и изобретать империю.

Значение этих поворотов для бразильской историографии, интегрированной в западный исторический канон, было очень велико и значительно, будучи сравнимым с аналогичными последствиями для европейских историографий, где «диверсификация предметного поля исторических исследований, тенденция к пересмотру эпистемологических принципов исторического знания не увели признанных историков от массовой аудитории, а, напротив, позволили

приблизиться к ней. Появилась волна бестселлеров, созданных историками, способными писать “историю как роман”, не поступаясь при этом соблюдением дисциплинарных конвенций» [17].

Участники и теоретики этих историографических поворотов формируют основу современного бразильского исторического сообщества, а их тексты составляют корпус «старой» и «новой» классики. Казалось бы, в этой ситуации они должны пребывать среди наиболее цитируемых бразильских историков. Предположение верно, но только и исключительно для бразильского историографического контекста: будучи лидерами бразильской историографии, эти авторы оказываются фактически полностью или почти игнорируемы российскими латиноамериканистами, оставаясь для них невидимыми. Эта ситуация стала следствием склонности к изоляционизму и идеологизации историографического продукта, политизации историографических пространств и намеренному отсечению от них текстов, которые в той или иной степени могут поколебать сложившийся историографический дискурс и лежащую в его основе консервативную стабильность.

Неутешительные итоги. Подводя итоги этого обзора, во внимание следует принимать несколько факторов, связанными с развитием латиноамериканистики в современной России.

Современные латиноамериканистские студии в России развиваются в условиях значительной идеологизации, мифологизации и политизации. Именно эти три фактора определяют основные векторы и траектории развития латиноамериканистики в России, которая, как и в советский период, развивается в рамках идеологически выверенной модели, выполняя преимущественно политические функции, обслуживая интересы правящих политических элит. Поэтому, в этом контексте латиноамериканистика в современной России постепенно выходит за пределы научного дискурса, добровольно маргинализируясь. Кроме этого латиноамериканистика сталкивается с трудностями объективного характера, связанного с размыванием научного сообщества, ростом кризисных тенденций, отсутствием преемственности поколений, неуклонным старением кадров, отсутствием притока новых кадров в российскую латиноамериканистику.

Современная российская латиноамериканистика, которая существует в рамках неосоветской и консервативной модели развития, сама «загнала» себя эту тупиковую ситуацию, так как ее лидеры в 1990-е годы не пытались приспособиться к новым условиям и реалиям развития, предпочтя развивать и продвигать идеологически выверенные концепты. В такой ситуации дальнейшие перспективы развития российской латиноамериканистики продолжают оставаться неопределенными и туманными.

Библиографический список

1. Агирре Рохас К.А. Историография в 20 веке. История и историки между 1848 и 2025 годами / К.А. Агирре Рохас. – М., 2008.
2. Агирре Рохас К.А. Критический подход к истории французских «Анналов» / К.А. Агирре Рохас. – М., 2006.
3. Аўтўэйт Ё., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ё. Аўтўэйт, Л. Рэй // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
4. Камерфорд В. Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005.
5. Кирчанов М.В. Бразиловедение в кривых зеркалах московской латиноамериканистики / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 1. – С. 120 – 123.
6. Кирчанов М.В. Какая латиноамериканистика нам (не) нужна: заметки вовлеченного маргинала / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 1. – С. 75 – 82.
7. Кирчанов М.В. Латиноамериканистика в современной России: кризис и невидимость отечественных латиноамериканских штудий в международном контексте / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2. – С. 105 – 119.
8. Кирчанов М.В. Российское бразиловедение: между консервативной стабильностью, методологическим кризисом и маргинализацией / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 6. – С. 84 – 94.
9. Кирчанов М.В. Самый неудобный методолог: неомарксизм и «школа Анналов» К.А. Агирре Рохаса в контексте перспектив развития российской латиноамериканистики / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2011. – № 8. – С. 84 – 92.

10. Кирчанов М.В. Современная отечественная латиноамериканистика: «второе издание» российского неомарксизма / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – С. 94 – 97.
11. Кирчанов М.В. Социальный поворот: (не)возможность социальной истории в латиноамериканистике в России / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 1. – С. 11 – 23.
12. Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004.
13. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // An Imperio. – 2003. – № 1.
14. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // Беларусіка / Albaruthenica. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1.
15. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
16. Партноў А. Саветызацыя гістарычнай навукі ў Украіне і Беларусі (некаторыя канцэптуальныя меркаванні) / А. Партноў [Электронный ресурс]. – URL: <http://bha.knihi.com//07-2/476-488.htm>
17. Савельева И. Исторические исследования в XXI веке. Теоретический фронт / И. Савельева [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/8482>
18. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобринина с Павлом Уваровым // НЗ. – 2007. – № 55 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>
19. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3.
20. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003.
21. Alencastro L.F. Vida privada e ordem privada no Império / L.F. Alencastro // História da Vida Privada no Brasil / org. F.A. Novais. – São Paulo, 1997. – Vol. 2. – P. 67 – 78.
22. Amaral A. Ensaio Brasileiro / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1930.
23. Amaral A. O Brasil na Crise Atual / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1914.
24. Amaral A. O estado autoritário e a realidade nacional / A. Amaral. – Rio de Janeiro, 1938.

25. Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186.
26. Anderson B. Comunidades imaginados, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005.
27. Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989.
28. Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26.
29. Baêta Neves L.F. História intelectual e história da educação / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 377.
30. Bastos E.R. Gilberio Freyre e a Questão Nacional / E.R. Bastos // Inteligência Brasileira / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986.
31. Bauman Z. Identidade / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.
32. Benedict Anderson: um inquitto observador de estrelas // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.
33. Botelho T.R. Censos e construção nacional no Brasil Imperial / T.R. Botelho // TSRS. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341.
34. Botelho T.R. População e nação no Brasil do século XIX / T.R. Botelho. – São Paulo, 1998.
35. Burke P. A arte de converção / P. Burke. – São Paulo, 1995.
36. Burke P. A Escola dos Annalles, 1929 – 1989. A revolução francesa da historiografia / P. Burke. – São Paulo, 1991.
37. Burke P. A fabricação do rei / P. Burke. – Rio de Janeiro, 1993.
38. Burke P. História e sociologia / P. Burke. – Porto, 1980.
39. Callari C.R. Os Institutos Históricos: do Patronato de D. Pedro II à construção do Tiradentes / C.R. Callari // Revista Brasileira de História. – 2001. – Vol. 21. – No 40.
40. Cancilini N.C. As culturas populares no capitalismo / N.C. Cancilini. – São Paulo, 1983.
41. Cardoso de Oliveira R. Identidade, Etnia e Estrutura Social / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976.
42. Catanacci V. Cultura Popular entre a tradição e a transformação / V. Catanacci // SPP. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35.
43. Chartier R. A aventura do livro: do leitor ao navegador / R. Chartier. – São Paulo, 1999.
44. Chartier R. A história cultural: entre práticas e representações / R. Chartier. – Rio de Janeiro, 1988.
45. Chartier R. A ordem dos livros: leitores, autores e bibliotecas / R. Chartier. – Brasília, 1994.
46. Chartier R. História da leitura no mundo ocidental / R. Chartier. – São Paulo, 1999.
47. Chiavenato J.J. As lutas do povo brasileiro / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Moderna, 1988.
48. Chiavenato J.J. As lutas do povoado contra os elites / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Moderna, 1989.
49. Chiavenato J.J. Cabanagem, o povo no poder / J.J. Chiavenato. – São Paulo: Brasiliense, 1984.

50. Cloclet da Silva A.R. Inventando a Nação. Intelectuais Ilustrados e Estadistas Luso-Brasileiros na Crise do Andigo Regime Português / A.R. Cloclet da Silva. – São Paulo, 2006.
51. De Luca T.R. A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999.
52. Domingos M., Martins M.D. Significados do nacionalismo e do internacionalismo / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111.
53. Duby G. Para uma história das mentalidades / G. Duby. – Lisboa, 1999.
54. Ferreira T.M. Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920 / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999.
55. Fico C. Reinventando o optimismo: Didatura, propaganda e imaginário social no Brasil / C. Fico. – Rio de Janeiro, 1997.
56. Foucault M. A ordem do discurso / M. Foucault. – São Paulo, 2004.
57. Freyre G. Casa-Grande e Senzala / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
58. Freyre G. Ordem e progresso / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1957.
59. Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1..
60. Gauer R.M. A contrução do Estado-nação no Brasil / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000.
61. Gellner E. Nacionalismo e democracia / E. Gellner. – Brasília, 1981.
62. Gellner E. O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.
63. Giddens A. Modernidade e identidade / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2002.
64. Giddens A. O Estado-nação e a violência / A. Giddens. – Rio de Janeiro, 2001.
65. Ginzburg C. Relações de força: história, retórica e prova / C. Ginzburg. – São Paulo, 2002.
66. Halbwachs M. A Memória Coletiva / M. Halbwachs. – São Paulo, 1990.
67. Hobsbawm E. Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995.
68. Hobsbawm E. Nações e nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002).
69. Hobsbawm E. Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991.
70. Hobsbawm E., Ranger T. A Invenção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.
71. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine / Y. Hrytsak // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229 – 254.
72. Kristeva J. História de Linguagem / J. Kristeva. – Lisboa, 1969.
73. Langer J. A Esfinge atlante do Paraná: o imaginário de um mito arqueológico / História, questões e debates. – 1996. – Ano 13. – No 25. – P. 148 – 163.
74. Langer J. As cidades imaginárias do Brasil / J. Langer. – Curitiba, 1997.

75. Langer J. As origens da arqueologia clássica / J. Langer // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia. – 1999. – No 9. – P. 95 – 110.
76. Langer J. Enigmas arqueológicos e civilizações perdidas no Brasil oitocentista / J. Langer // Anos 90. – 1998. – No 9. – P. 165 – 185.
77. Langer J. Mitos arqueológicos e poder / J. Langer // Clio – Série Arqueológica. – 1997. – Vol. 1. – No 12. – P. 109 – 125.
78. Langer J. O mito do Eldorado / J. Langer // Revista de História. – 1997. – No 136. – P. 25 – 40.
79. Langer J. Os enigmas de um continente: as origens da arqueologia americana, 1750 – 1850 / J. Langer // Estudos Ibero-Americanos. – 2001. – Vol. XXVII. – No 1. – P. 143 – 158.
80. Langer J. Ruínas e mito: a arqueologia no Brasil império. Tese de doutorado em História / J. Langer. – Curitiba, 2000.
81. Le Goff J., Nora P. História: novos objetos / J. Le Goff, P. Nora. – Rio de Janeiro, 1976.
82. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4.
83. Literatura e Cultura tradição e modernidade / ed. S. de Romalho. – Brasília, 1997.
84. Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctinnaires à história social dea idéias / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127.
85. Luiz de Souza R. Método, raça e identidade nacional em Sílvia Romero / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30.
86. Luiz de Souza R. Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres / R. Luiz de Souza. – Sociologias. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323.
87. Marson A. A ideologia nacionalista de Alberto Torres / A. Marson. – São Paulo, 1979.
88. Mattos H.M. Identidade camponesa, racialização e cidadania no Brasil monárquico: o caso da “Guerra dos Marimbondos” em Pernambuco a partir da leitura de Guillermo Palacios / H.M. Mattos // Almanack Braziliense. – 2006. – No 3. – P. 40 – 46.
89. Moreira V. O ofício do historiador e os índios: sobre uma querela no Império / V. Moreira // Revista Brasileira de História. – 2010. – Vol. 30. – No 59.
90. Oliveira L.L. A questão nacional na Primeira República / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990.
91. Ortiz R. Cultura brasileira e identidade nacional / R. Ortiz. – São Paulo, 1994.
92. Práticas da leitura / org. R. Chartier. – São Paulo, 2001.
93. Ramos Mendes J.S. Desígnios da Lei de Terras: imigração, escravidão e propriedade fundiária no Brasil Império / J.S. Ramos Mendes // Cadernos CRH. – 2009. – Vol. 22. – No 55.
94. Reis J.C. As itentidades do Brasil / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999.
95. Ribeiro L.F. Mulheres de papel: um estudo imaginário de José de Alencar e Machado de Assis / L.F. Ribeiro. – Rio de Janeiro, 1996.

96. Santos A.C. A invenção do Brasil / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12.
97. Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro: Editora Campus, 1982.
98. Schwartzman S. São Paulo e o Estado Nacional / S. Schwartzman. – São Paulo: Difusão Européia do Livro, 1975.
99. Smith A. A identidade nacional / A. Smith. – Lisboa, 1997.
100. Smith A. O nacionalismo e os historiadores / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.
101. Sússekind F., Ventura R. História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim / F. Sússekind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981.
102. Tavares J.N. Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979.
103. Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.
104. Vieira E. Autoritarismo e corporativismo no Brasil / E. Vieira. – São Paulo, 1981.

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал
2016 / 1 (19)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal

2016 / 1 (19)

ISSN 2219-1976